

Самая громкая
сенсация года.
amazon.com

Лори
Нелсон
Спилман

Жизненный план

Лори Спилман

Жизненный план

«Центрполиграф»

2013

Спилман Л. Н.

Жизненный план / Л. Н. Спилман — «Центрполиграф», 2013

После смерти матери Брет Боулингер с ужасом обнаруживает, что ей одной из трех детей в наследство достался лишь список ее же собственных жизненных целей, написанный в четырнадцать лет, с комментариями мамы. Условие получения остального наследства – выполнение всех пунктов списка, включая и замужество, и даже покупку лошади. Но реально ли осуществить детские мечты всего лишь в течение года? И как, например, помириться с отцом, если он уже умер... Нищая, униженная, и все это только ради нее? А тут еще странный мужчина в плаще «Бёрберри»...

© Спилман Л. Н., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лори Спилман

Жизненный план

The Life List

Copyright © 2013 by Lori Nelson Spielman

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

©Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Голоса разносятся в пространстве, эхом поднимаясь по лестнице темного дерева, расплывчатые, гулкие, навязчивые. Дрожащими руками запираю за собой дверь. Мой мир замолкает. Прислоняюсь головой к двери и делаю глубокий вдох.

Комната все еще полна ее запахов – туалетной воды «О де Хадриен» и мыла с козьим молоком. Железная кровать тихо скрипит подо мной. Этот звук действовал на меня успокаивающе, как перезвон музыкальной подвески или бархатные интонации ее голоса, когда она говорила, как любит меня. Я заползала на эту кровать, когда она делила ее с моим отцом, и жаловалась на боли в животе или прячущихся в моей спальне монстров. Каждый раз мама прижимала меня к себе, гладила по голове и нашептывала: «И для нас выглянет солнце, любимая моя, ты только подожди». А следующим утром, словно по мановению волшебной палочки, на кружевных шторах в моей комнате появлялись янтарные ленты.

С облегчением скидываю черные лодочки и потираю ступни. Устраиваюсь на подушках в наволочках с желтым рисунком и погружаюсь в прошлое. Решено, эту кровать я оставляю себе. И не важно, если кто-то еще захочет ее взять, она будет моей. Я буду скучать по этому дому. «Он такой же крепкий, как и наша бабушка», – любила говорить о нем мама. Но мне казалось, что крепок не дом – такой же крепкой, как наша бабушка, была ее дочь – моя мама – Элизабет Боулингер.

Внезапно в голову прокрадывается мысль. Поморгав, смахиваю слезы и соскакиваю с кровати. Она должна была спрятать где-то здесь, я уверена. Но где? Распахиваю дверцу шкафа. Руки непроизвольно начинают ощупывать дизайнерские костюмы и платья. Тяну в разные стороны шелковые блузы на вешалках, и они разъезжаются, словно театральный занавес. Вот же она. На полке, в отделении для обуви, будто младенец в колыбели, лежит бутылка «Крюг», прятанная здесь последние четыре месяца.

Чувство вины пронзает меня до кончиков пальцев. Шампанское принадлежит маме, не мне. Это возмутительно дорогое приобретение было сделано по дороге домой после ее первого приема у врача и припрятано здесь, чтобы не перепутать с бутылками попроще, хранившимися внизу. Мама объяснила, что она должна стать символом обещаний, которые непременно сбудутся. Предполагалось, что мы разопьем этот редкий напиток в день окончания лечения, после получения листа с идеальными результатами анализов, за торжество жизни и случившегося чуда.

Поглаживаю серебристую фольгу и до боли закусываю губу. Я не смогу его открыть. Его надо пить в компании, произнося поздравительные тосты, а не в день скорби и не мне одной – дочери, не сумевшей досидеть до конца поминального обеда.

Внезапно мой взгляд падает на плоский предмет, зажатый между бутылкой шампанского и парой замшевых туфель. Протягиваю руку. Это небольшой красный блокнот – возможно, дневник, – перевязанный желтой лентой. Кожаная обложка местами потрескалась. На приклеенном сверху листке в форме сердечка написано: «Для Брет. Сохрани до того дня, когда станешь сильнее, а сегодня подними бокал за нас, моя милая. Нам было хорошо вместе. С любовью, *мама*».

Провожу кончиками пальцев по строчкам, написанным не слишком аккуратным для красивой женщины почерком. В горле саднит. Несмотря на веру в счастливый конец, мама знала, что придет день, когда меня надо будет спасать. Для такого дня она оставила мне шампанское и кусочки ее жизни, ее сокровенные мысли и мечты, предназначавшиеся будущему.

Но я не могу ждать. Смотрю на книжицу, снедаемая непреодолимым желанием прочитать прямо сейчас. Только быстро загляну, и все. Тяну за желтую ленту, и перед глазами встает образ мамы, качающей головой, осторожно порицая мое нетерпение. Еще раз пробегаю глазами

строки с предупреждением подождать того дня, когда стану сильнее, душа разрывается между исполнением своего желания и ее воли. Уверенно откладываю блокнот в сторону.

– Ради тебя, – шепчу и целую трещинки на обложке, – я подожду.

Из груди рвется стон, разрубающий тишину. Сдерживаю его, зажимая рот рукой, к сожалению, слишком поздно. Сгибаюсь пополам, ребра сдавливают от боли, непереносимой боли за маму. Как я пойду по жизни без нее? Я ведь все еще остаюсь ее маленькой дочкой.

Сжимая коленями бутылку шампанского, пытаюсь вытащить пробку. Она выстреливает и сбивает пузырек китрила на маминой прикроватной тумбочке. Таблетки от тошноты! С трудом доползаю до тумбочки, высыпаю треугольные пилюли в ладонь и вспоминаю, как впервые дала их маме. Это было после первой химиотерапии, она фальшиво бравировала, ради меня, разумеется:

– Я хорошо себя чувствую, правда. Бывало, ежемесячные боли доставляли мне больше проблем.

В ту ночь тошнота нахлынула на нее, как цунами. Мама проглотила белую таблетку и вскоре попросила еще одну. Я лежала с ней рядом, пока лекарство смилоstinивилось и подействовало, и тогда позволила себе заснуть. Я устроилась, свернувшись калачиком в этой самой постели, гладила ее по голове и прижимала все ближе, как это когда-то делала она. А потом, переполняемая отчаянием, закрыла глаза и стала молить Бога спасти мою мать.

Он меня не услышал.

Таблетки падают с ладони обратно в пластиковый пузырек. Не закрывая крышку, я оставляла их для мамы на тумбочке рядом с бутылкой воды, чтобы она могла дотянуться. Но мамы больше нет. Таблетки ей уже не понадобятся.

Необходимо выпить шампанского.

– Вот, мама, за тебя, – шепчу я срывающимся голосом. – Я горжусь, что была твоей дочерью. Ты ведь и сама знаешь, правда?

В мгновение ока комната идет кругом, но боль немного стихает. Ставлю бутылку шампанского на пол и откидываю стеганое одеяло. От прохладной простыни веет ароматом лаванды. Непростительное уподобничество прятаться здесь от людей, собравшихся на первом этаже. Закутываюсь в одеяло, позволяя себе полежать в тишине еще немного, прежде чем спуститься вниз. Всего одну минутку...

Громкий стук заставляет меня очнуться. Поспешно сажусь в постели и через секунду понимаю, где нахожусь. Черт, поминки! Вскрываю с кровати и несусь к двери, споткнувшись о бутылку шампанского.

– Вот черт!

– Ты в порядке, Брет? – На пороге стоит моя невестка Кэтрин. Прежде чем я успеваю ответить, она вбегает в комнату и, присев, поднимает с ковра бутылку. – Бог мой! Ты разлила «Крюг» 1995 года?

– Я больше выпила. – Опускаюсь рядом с ней на колени и промокаю восточный ковер подолом платья.

– Господи Иисусе, Брет, эта бутылка стоит больше семисот долларов.

– Угу. – Заставляю себя подняться и вглядываюсь в циферблат наручных часов. Цифры расплываются перед глазами. – Какой сейчас час?

Кэтрин встает и разглаживает подол черного льняного платья.

– Почти два. Обед уже подали. – Она заправляет упавшую мне на лицо прядь за ухо. Рядом с ней я ощущаю себя растрепанным ребенком, хотя она ниже меня на добрых пять дюймов. Мне даже кажется, что Кэтрин сейчас лизнет кончики пальцев и начнет приглаживать мои непослушные волосы.

– Ты выглядишь неряшливо, Брет, – укоряет она, поправляя нитку жемчуга на моей шее. – Твоя мама первая сказала бы, что, несмотря на горе, ты обязана следить за собой.

Нет, это неправда. Мама сказала бы, что я очень мило выгляжу, несмотря на то что наложенный макияж уже давно смыт слезами. Она бы сказала, что от влажности мои выющиеся волосы стали пышнее и вовсе не похожи на разворошенное гнездо, а опухшие, красные глаза по-прежнему трогательно-одухотворенные.

Отворачиваюсь, понимая, что сейчас расплачусь. Кто поможет мне сохранить уверенность в себе, если мамы больше нет рядом? Наклоняюсь, чтобы поднять бутылку, но пол крепится в сторону. О боже! Я оказалась в шлюпке в штормовом море. Хватаюсь за спинку кровати, словно за спасательный круг, и переживаю шторм.

Кэтрин вскидывает голову и внимательно смотрит на меня, потирая нижнюю губу идеально ухоженным ноготком.

– Послушай, милая, может, тебе лучше посидеть здесь? Я принесу тарелку с едой.

Сама лучше посиди в заднице! Это поминки по моей матери. Я обязана спуститься вниз. Комнату словно заволакивает туманом, и я не могу найти туфли. Топчусь, оглядываясь по сторонам. Что же я искала? Шлепаю босиком к двери и вспоминаю.

– Да, туфли. Эй, выходите, выходите, где вы? – Приседаю и заглядываю под кровать.

Кэтрин хватается за меня под мышки и тянет вверх.

– Брет, прекрати. Ты пьяна. Я уложу тебя в кровать, и ты проспишься.

– Нет! – Сбрасываю с себя ее руки. – Я должна там быть.

– Но ты не можешь. Твоя мать не хотела бы...

– Ах, вот вы где. – Вытаскиваю новые лодочки и пытаюсь всунуть в них ноги. Бог мой, за последний час ступни стали размера на два больше.

Как могу быстро иду по коридору, наполовину натянув туфли, с вытянутыми в стороны руками болтаюсь от стены к стене, как шарик в пинболе. За спиной слышу суровый, но негромкий голос Кэтрин.

– Брет! Немедленно остановись! – цедит она сквозь зубы.

Очень глупо думать, что я пропущу поминки. Я должна отдать дань маме. Моей красивой, любящей маме...

Добираюсь до лестницы, задержавшись, чтобы втиснуть, наконец, ноги в эти чертовы туфельки Барби. Уже на середине лестничного марша нога подворачивается.

– Ой-ой!

В одно мгновение все гости, собравшиеся почтить мамину память, поворачиваются в мою сторону. Краем глаза успеваю заметить распахнутые от ужаса глаза женщин, прикрывающих рот руками, и мужчин, с криком бросающихся мне на помощь.

Приземляюсь посередине гостиной, платье задрано, одна туфля потеряна в полете.

Меня будит перезвон посуды. Утираю слюну в уголке рта и сажусь. Пульсирующая боль в голове прорывается сквозь плотный туман. С усилием моргаю и оглядываюсь. Я в доме моей мамы. Это хорошо. У нее обязательно найдется аспирин. Гостиная погружена во мрак, туда-сюда шныряют люди, собирая посуду в коричневые пластиковые контейнеры. Что здесь происходит? Внезапно меня словно ударяет бейсбольной битой. Горло сдавливает, и я прижимаю к губам ладонь. Вся боль, острые иглы тоски и грусти вновь впиваются в мое сознание.

Мне говорили, что долгая схватка с раком много хуже короткой, но я не уверена, что это истина для желающих выжить. После того как маме поставили диагноз, смерть пришла так быстро, что все происходящее напоминало сюрреалистический бред, кошмарный сон, окончание которого мы ждали. Я до сих пор жду, что очнусь, вскрикнув от радости пробуждения, но вместо этого все чаще просыпаюсь, забыв о трагедии, и заставляю себя вновь и вновь переживать все заново, как Билл Мюррей в фильме «День сурка». Привыкну ли я когда-то жить без самого дорогого мне человека, любившего меня безоговорочно?

С остервенением тру виски, и короткие фрагменты всплывают в моей памяти одиночными вспышками, напоминая о фиаско на лестнице. Возникает желание умереть.

– Эй, соня! – Ко мне приближается Шелли, еще одна моя невестка, с трехмесячной малышкой Эммой на руках.

– О боже, – стону я, сжимая ладонями голову. – Какая же я идиотка.

– Почему? Думаешь, ты первая, кто так набрался? Как нога?

Убираю со щиколотки пакет с почти растаявшим льдом и верчу ногой в разные стороны.

– Все пройдет. – Трясу головой. – Она пострадала значительно меньше моего самолюбия. Как я могла поступить так с мамой? – Швыряю пакет с холодной водой на пол и встаю с дивана. – Шел, если судить по десятибалльной шкале, насколько ужасно я себя вела?

– Я сказала всем, что у тебя упадок сил. – Она слегка подталкивает меня плечом. – Они поверили. Неудивительно, у тебя был такой вид, будто ты неделю не спала. – Шелли смотрит на часы. – Слушай, нам с Джем пора, уже восьмой час.

Приглядевшись, вижу Джея, он присел на корточки перед трехлетним Тревором и пытается засунуть его в яркий желтый дождевик, который делает малыша похожим на пожарного в миниатюре.

Светящиеся голубые глаза встречаются с моими, и Тревор радостно восклицает:

– Тетечка Бвет!

Сердце всколыхнулось, надеюсь, мой племянник никогда не научится выговаривать «р». Направляюсь к нему, чтобы ласково взъерошить волосы.

– Как поживает мой великан?

Щелкает кнопка на воротнике Трево́ра, и Джей поднимается.

– А вот и она. – Если не брать в расчет мелкие морщинки у глаз, появляющиеся только вместе с ямочками на щеках, моему брату можно дать двадцать шесть, а не его тридцать шесть. Он обвивает рукой мою талию. – Хорошо выпалась?

– Мне так стыдно, – ною я, утирая остатки туши под глазами.

Джей целует меня в лоб:

– Не переживай. Мы понимаем, что тебе тяжелее всех.

Из трех детей Боулингеров я одна пока не замужем, не успела создать свою семью. Моей семьей была мама. Поэтому брату меня жаль.

– Нам всем трудно, – говорю я, отстраняясь от него.

– Но ты же ее дочь, – вступает в разговор мой старший брат Джоад, появляясь из-за угла. Его поджарая фигура едва видна за буйной зеленью цветочных ветвей. В отличие от Джея, зачесывающего назад свои редкие волосы, Джоад сбрасывает их, отчего голова становится похожей на яйцо. Очки в тонкой оправе придают внешности гламурный оттенок. Он поворачивается и чмокает меня в щеку.

– У вас двоих особенная связь. Мы с Джем без тебя бы не справились. Особенно в конце.

И это правда. Когда прошлой весной маме поставили диагноз «рак яичников», я сразу сказала, что мы будем бороться вместе. Именно я ухаживала за ней после операции, сидела у ее кровати после каждой химиотерапии, настояла на консультации у второго, а потом и у третьего специалиста. А когда все они сошлись во мнении, что прогноз печален, именно я была с ней в тот день, когда она приняла решение прекратить бесполезное лечение.

Джей сжимает мою руку, в голубых глазах стоят слезы.

– Мы все с тобой. Ты ведь знаешь, правда?

Киваю, вытаскивая из кармана бумажный носовой платок.

Тишину нарушает Шелли, появляясь в гостиной с автомобильным креслом Эммы.

– Дорогой, – поворачивается она к Джею, – ты не захватишь денежное дерево, что дарили мои родители? – косится на Джоада, потом на меня. – Вам ведь оно не нужно?

Джоад кивает на кусочек ботанического сада в руках.

– Я свое забрал.

– Возьми, – говорю я, обескураженная тем, что в день смерти мамы кого-то могут волновать комнатные растения.

Мои братья и их половинки перемещаются из дома мамы на улицу, в темноту туманного сентябрьского вечера, а я стою и держусь за створку двери розового дерева, как когда-то делала мама. Кэтрин, выходящая последней, заправляет шарф от «Гермес» за ворот замшевого пиджака.

– До завтра, – говорит она и оставляет на моей щеке след цвета «розовый в стиле казино».

Не могу сдержать стон. Видимо, раздел растений не доставил необходимого удовольствия всем собравшимся, поэтому завтра в десять тридцать состоится раздача детям маминых ценностей – церемония вручения призов Боулингер.

А через несколько часов я займу место президента «Боулингер косметик» и стану начальницей Кэтрин – и я несколько не уверена, что смогу с чем-либо из этого справиться.

* * *

Треснула и развалилась оболочка, сдерживающая меня, словно в раковине, в ночной буре, открывая глазу безоблачное, синее утреннее небо. Считаю это хорошим предзнаменованием. Наблюдаю за пенистыми берегами озера Мичиган с заднего сиденья «линкольн таун-кар» и репетирую предстоящую речь. *Ох, какая честь оказана мне, простой смертной. Я никогда не смогу заменить маму, но сделаю все возможное, чтобы компания развивалась.*

Голова гудит, вновь ругаю себя за выпитое шампанское. О чем я только думала? Чувствую себя отвратительно – но не физически. Как я посмела так поступить с мамой? И можно ли после этого ожидать, что родственники будут воспринимать меня всерьез? Выуживаю из сумочки пудру и подмазываю щеки. Сегодня необходимо выглядеть компетентной и собранной – такой должна быть глава компании. Предстоит доказать братьям, что я смогу справиться с семейным делом, несмотря на то что не всегда способна справиться с собой. Будут ли они гордиться младшей сестрой, сделавшей к тридцати четырем годам карьерный скачок от директора по рекламе до президента фирмы? Если не принимать в расчет вчерашний прокол, думаю – да. У каждого из них свое дело, и, кроме акций, их ничто не связывает с семейным предприятием. Шелли по профессии логопед, а сейчас еще и вечно занятая мамочка. Ей не до того, кто управляет компанией ее свекрови.

Меня пугает лишь Кэтрин.

Выпускница престижной Уортонской школы бизнеса при Пенсильванском университете и член сборной США по синхронному плаванию на Олимпиаде 1992 года, моя невестка обладает умом, стойкостью и конкурентными преимуществами для управления тремя компаниями одновременно.

Последние двенадцать лет она занимала должность вице-президента «Боулингер косметик» и была маминой правой рукой. Если бы не Кэтрин, фирма так и осталась бы процветающим, но маленьким кустарным производством. Кэтрин пошла на abordаж и убедила маму принять ее стратегию развития. В начале 2002 года до нее дошли слухи, что Опра Уинфри запускает в своем шоу новый эпизод под названием «*Мои любимые штучки*». Двадцать одну неделю подряд Кэтрин отправляла на студию «Гарпо» красивую коробку органического мыла и лосьонов «Боулингер», с фотографиями и статьями об экологически чистой продукции фирмы. Со студии позвонили, когда она готовила им двадцать вторую посылку. Опра выбрала своими любимыми штучками наш органический черный чай и маску для лица с маслом виноградных косточек.

Программа вышла в эфир, и доходы фирмы взлетели. В одночасье все спа-салоны и магазины класса элит пожелали иметь продукцию Боулингер. За первые шесть месяцев производ-

ство увеличилось в четыре раза. Три крупнейшие компании на рынке мгновенно предложили невообразимые суммы за покупку «Боулингер косметик», но Кэтрин убедила маму не продавать дело. Вместо этого она открыла магазины в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Далласе и Майами, а спустя два года вышла на международный рынок. Хотя мне приятно думать, что мое мастерство маркетолога тоже принесло пользу, но фирма стала предприятием с многомиллионным оборотом благодаря Кэтрин Гамфриз-Боулингер.

Это неоспоримо. Кэтрин пчелиная матка, и я, в должности директора по маркетингу, тоже была одной из ее верных пчелок-трудяг. Но буквально за несколько минут наши роли изменились. Я стала боссом Кэтрин – эта мысль пугает меня до дрожи в коленях.

В прошлом июне, когда мама была занята лечением и редко появлялась на рабочем месте, Кэтрин вызвала меня к себе в кабинет.

– Ты должна знать все детали дела, Брет, – заговорила она, положив руки перед собой на стол красного дерева. – Сколько бы мы ни пытались это отрицать, жизнь наша изменится, и ты должна быть к тому готова.

Она думает о маминой кончине! Как она может предполагать худшее? Однако Кэтрин всегда была реалистом и редко ошибалась. По спине пробегает дрожь.

– Разумеется, после смерти твоей матери вся ее доля перейдет к тебе. Ты ее дочь и, в конце концов, единственный ребенок, участвующий в деле. Кроме того, ты была ее деловым партнером дольше кого-либо.

Ком встал у меня в горле. Мама имела обыкновение хвастаться, что я, будучи в пеленках, стала сотрудником компании. Она сажала меня в рюкзачок для младенцев, и мы отправлялись сбывать ее мыло и лосьоны в ближайшие магазины и на фермерские рынки.

– Как владелица основного пакета акций, – продолжала Кэтрин, – ты имеешь право занять должность президента компании.

Ее прохладная, сдержанная манера заставила меня задуматься, обижает ли ее этот факт. Кто бы стал ее обвинять? Это женщина – истинный бриллиант. А я... мне просто повезло родиться дочерью Элизабет.

– Я помогу тебе подготовиться – не то чтобы ты не готова. – Она открыла календарь на экране компьютера. – Как ты относишься к тому, чтобы начать завтра, в восемь утра? – Это был приказ, а не вопрос.

Итак, каждое утро я ставила стул рядом с Кэтрин и слушала ее объяснения о зарубежных соглашениях, международных налоговых кодексах и ежедневных операциях. Она отправила меня на недельный семинар в Гарвардскую школу бизнеса, чтобы подтянуть мои знания о новейших методах управления, и записала на множество семинаров онлайн, посвященных различным темам от рационализации бюджета до трудовых отношений.

Я не раз чувствовала себя совершенно измученной, но ни разу не подумала о том, чтобы отклониться от намеченного курса. Я обязана с честью носить корону, принадлежавшую маме. Надеюсь, моя невестка не обижалась на просьбы отполировать ее до блеска.

Мамин водитель высаживает меня у дома 200 на Рандольф-стрит, и я, задрав голову, смотрю на небоскреб «Аон-центра». Должно быть, офис занимает огромную площадь. Видимо, мамин адвокат не скряга. Когда я выхожу на тридцать втором этаже, часы показывают ровно десять тридцать. Клэр, рыжеволосая красавица, провожает меня в кабинет мистера Мидара, где за столом темного дерева уже сидят мои братья и их супруги.

– Могу я предложить вам кофе, мисс Боулингер? – интересуется Клэр. – Или лучше чай? Бутылку воды?

– Нет, благодарю. – Нахожу свободное место рядом с Шелли, сажусь и оглядываюсь. Интерьер кабинета мистера Мидара представляет собой впечатляющее смешение нового и старого. Он выполнен в кричаще современном стиле с присутствием стекла и мрамора, но деко-

рирован восточными коврами и предметами антикварной мебели. Возникает эффект успокаивающей прозрачности.

– Здесь очень красиво, – говорю я.

– Правда? – Кэтрин наклоняется вперед по ту сторону стола. – Я в восторге от стиля Стоуна¹.

– Да. Здесь столько гранита, что можно открывать карьер.

Она хихикает, словно над шуткой неразумного дитяти.

– Я имела в виду Эдварда Стоуна, архитектора.

– Ах, конечно. – Есть что-то, чего эта женщина не знает? Вместо того чтобы производить на меня должное впечатление, эрудиция Кэтрин подчеркивает мою невежественность, ее сила наводит на мысль о собственной слабости, ее компетентность во всех вопросах заставляет чувствовать себя такой же бесполезной, как утягивающее белье на Виктории Бекхэм. Я от всей души люблю Кэтрин, но это любовь, сдерживаемая страхом, – не знаю, результат ли это моей неуверенности или высокомерия невестки. Как-то мама сказала мне, что я обладаю всеми достоинствами Кэтрин, только еще капелькой неуверенности в себе. «И слава богу», – добавила она шепотом. Это был единственный раз, когда мама критически отозвалась о Великой Кэтрин, но даже это замечание укрепляет мои душевные силы.

– Изначально здание возводили для компании «Стэндард ойл», – продолжает Кэтрин, словно мне интересны подробности. – Если не ошибаюсь, его построили в семьдесят третьем.

Джей отодвигает свой стул так, чтобы не попадать в поле зрения Кэтрин, и очень комично зеваает. Все внимание Джоада приковано к жене.

– Превосходно, дорогая. Это третье по высоте здание в Чикаго, – добавляет он и смотрит на Кэтрин так, словно ждет одобрения. Несмотря на то что мой старший брат – один из самых уважаемых молодых архитекторов, я чувствую, что он немного страшится женщины, на которой женат. – Уступает лишь Трамп-Тауэр и Уиллис-Тауэр.

Кэтрин поворачивается ко мне.

– Ты знаешь, Уиллис-Тауэр – бывший Сирс-Тауэр.

– Сирс-Тауэр? – спрашиваю я и тру подбородок в напускной растерянности. – Зачем универмагу целый небоскреб?²

Сидящий через стол Джей усмехается. Кэтрин же смотрит на меня так, словно не совсем верит, что я шучу вместо того, чтобы внимать и запоминать.

– В этом здании восемьдесят три этажа над землей и...

Игра в эрудицию по теме «Архитектура» заканчивается, когда открывается дверь, и высокий, взъерошенный мужчина вбегает в кабинет, слегка задыхаясь. На вид ему лет сорок. Он пятерней приглаживает волосы и поправляет галстук.

– Всем привет, – восклицает он и проходит к столу. – Я Брэд Мидар. Прошу простить, что заставил вас ждать.

Он обходит вокруг стола, здороваясь с каждым из нас за руку, пока мы представляемся. Интересно, моих братьев одолевает та же мысль, что и меня: зачем мама наняла этого молодого человека вместо мистера Голдблата, бывшего много лет семейным юристом?

– Я был на встрече на другом конце города, – говорит Мидар, опускаясь на предназначенный ему стул во главе стола, по диагонали от меня. – Не ожидал, что она так затянется. – Бросает перед собой папку. Смотрю на Кэтрин, приготовившую блокнот и ручку для записей, и испытываю раздражение. Почему я сама не подумала о том, что придется записывать? Как же я буду управлять всей компанией, когда забываю даже о блокноте?

Мистер Мидар коротко откашливается.

¹ Камень (англ.).

² Сирс (Sears) – сеть универмагов, представленных почти во всех городах США.

– Позвольте прежде всего выразить вам соболезнования по поводу трагической потери близкого человека. Элизабет была мне очень симпатична. Мы познакомились лишь в мае, сразу после того, как ей поставили диагноз, но мне всегда казалось, что я знал ее многие годы. Я не мог остаться вчера на поминальный обед, но был на похоронах. Мне было приятно думать, что я пришел как ее друг, а не как юрист.

Мгновенно чувствую расположение к занятому юристу, нашедшему время прийти на похороны мамы – женщины, которую он знал шестнадцать недель. Вспомнился один юрист из моей жизни – мой парень Эндрю. Он был знаком с мамой четыре года, но так и не нашел времени почтить ее память. Силой выдавливаю из груди боль и стараюсь сконцентрироваться на встрече.

– Стоит ли говорить, – продолжает Мидар, – что я счел за честь взять на себя исполнение ее воли.

Спустя час уже перечислено почти все, что завещано мамой благотворительным организациям, а Джей и Джоад становятся обладателями таких сумм, что могут всю оставшуюся жизнь провести в праздности. Когда мама успела накопить такие богатства?

– Завещанное Брет Боулингер будет зачитано позже. – Мистер Мидар снимает очки и смотрит на меня. – Этот пункт помечен звездочкой. Я потом вам поясню.

– Хорошо, – киваю, почесывая голову. Почему мама не велела упоминать о причитающейся мне доле сегодня? Может, объяснение в том красном блокноте? И тут меня озаряет. Я наследую всю компанию, которая стоит сегодня миллионы. Одному богу известно, выживет ли она под моим руководством. Голову сдавливает тугим обручем.

– Следующий пункт – дом вашей матери. – Он водружает на нос очки для чтения и ищет в документе нужный раздел. – «Дом один-тринадцать по Астор-стрит, как и все его содержимое, должно оставаться неприкосновенным в последующие двенадцать месяцев. Ни само строение, ни имущество не может сдаваться в аренду или быть продано в течение этого времени. Мои дети могут проживать в доме не более тридцати дней и имеют право использовать все предметы домашнего обихода для личных нужд».

– Серьезно? – Джоад удивленно смотрит на мистера Мидара. – У нас у всех свое жилье. Зачем нам содержать ее дом?

Чувствую, как загораются щеки, и начинаю нарочито внимательно разглядывать ногти. Разумеется, мои братья уверены, что я совладелица квартиры Эндрю. Несмотря на то что я живу в ней с того самого момента, как он приобрел ее три года назад, и вложила в нее больше денег, чем мой друг, право собственности мне не принадлежит. По всем бумагам квартирой владеет Эндрю.

– Это мамина воля, брат, – говорит Джей обычным добродушным тоном. – Надо уважать ее желания.

Джоад качает головой:

– Конечно, но это же ерунда. Еще двенадцать месяцев сумасшедших налогов. И я не говорю о поддержании в порядке этих старых стен.

Печально киваю. Характером Джоад пошел в отца – решительный, прагматичный и лишенный сентиментальности. Его бесчувственная натура может оказаться очень полезной, так было, например, на прошлой неделе, когда пришлось заниматься организацией похорон. Но сейчас его поведение скорее проявление неуважения. Если дать ему волю действовать по собственному усмотрению, он к концу дня вывесит на доме табличку: «Продается» и поставит у дверей мусорный контейнер. Вместо этого, у нас появилось время перебрать все мамины вещи и спокойно попрощаться с некоторыми из них навсегда. По мнению Эндрю, это было бы слишком консервативно, но я уверена, один из моих братьев может даже принять решение оставить себе что-то из маминой мебели.

В тот год, когда я поступила в Северо-Западный университет, мама приобрела старый дом, не выкупленный по закладной. Отец бранил ее невероятно, говорил, что глупо ввязываться в такой чудовищный проект. Но к тому времени он стал уже бывшим маминым мужем, и она была вольна принимать решения самостоятельно.

Запах прогнивших потолков и старых ковров казался ей волшебным. Потребовались годы тяжелого труда и самопожертвования, чтобы в итоге пронизательность и терпение победили. В наши дни особняк на Золотом берегу в Чикаго стал редким музейным экспонатом. Моя мама, дочь сталелитейщика, представляла, что она, как Луиза Джефферсон, «идет вверх», переехав из городка Гэри в штате Индиана. Жаль, что отец не прожил достаточно долго, чтобы увидеть чудесное преобразование дома – и женщины, – так и оставшегося недооцененным им.

– Вы уверены, что она была в здравом уме, когда это писала? – спрашивает Джоад, прерывая мои размышления.

Что-то заговорщицкое появляется в улыбке молодого юриста.

– Разумеется, она была в своем уме. Позвольте вас уверить, ваша мама отлично знала, что делает. Откровенно говоря, никогда не видел столь тщательно выверенного завещания.

– Продолжим, – произносит Кэтрин тоном руководителя. – Домом займемся в надлежащее время.

Мистер Мидар опять откашливается.

– Хорошо, тогда переходим к «Боулингер косметик»?

Голова едва не лопається от напряжения и ощущения пристально смотрящих на меня четырех пар глаз. Вспоминаю вчерашнее происшествие и холодею от охватившей меня паники. Какой президент компании может себе позволить напиться в день похорон матери? Я определенно не заслужила чести занять этот пост. Однако уже поздно. Как актриса, номинированная на премию Американской киноакадемии, стараюсь придать лицу естественное выражение. Кэтрин сидит с ручкой наготове, ожидая момента, когда придет пора начать записывать все до последней детали делового предложения. Лучше к этому сразу привыкнуть. В качестве подчиненной или нет, эта женщина будет следить за мной до конца моей карьеры.

– «Мои акции в «Боулингер косметик», а также место главного исполнительного директора компании передаю моей...»

Держаться естественно. Не смотреть на Кэтрин.

– «...невестке, – кажется, у меня слуховые галлюцинации, – Кэтрин Гамфриз-Боулингер».

Глава 2

– Какого черта? – громко вскрикиваю, понимая, что осталась без долгожданного «Оскара». Даже не стараюсь быть хоть немного вежливой. Более того, я откровенно грублю.

Мидар смотрит на меня поверх роговой оправы.

– Простите? Хотите, чтобы я что-то повторил?

– Д-да, – заикаюсь и перевожу взгляд с одного члена моей семьи на другого, надеясь обрести поддержку.

Джей смотрит на меня с сочувствием, а Джоад не смотрит вовсе. Он делает пометки в блокноте, челюсть его при этом странно подергивается. А Кэтрин... что ж, она могла бы стать хорошей актрисой, удивление на лице кажется вполне правдоподобным. Мистер Мидар наклоняется и произносит отчетливо, словно я старая бабка:

– Акции вашей матери в «Боулингер косметик» переходят к жене вашего брата, Кэтрин. – Протягивает мне документ. – Каждый из вас получит копию, а сейчас можете просмотреть мою.

Скривившись, я отмахиваюсь от него, из последних сил стараясь дышать ровно.

– Нет. Благодарю. – Я справлюсь. – Продолжайте, пожалуйста. Извините.

Вжимаюсь в стул и начинаю кусать губы, чтобы не было видно, как они дрожат. Должно быть, произошла ошибка. Я... я так много работала. Хотела, чтобы она мной гордилась. Кэтрин меня подставила? Нет, она не могла поступить так жестоко.

– На этом мы прервемся, – сообщает Мидар. – Теперь мне надо переговорить с Брет. Конфиденциально. – Он поворачивается ко мне: – У вас есть время, или лучше перенесем встречу?

Перед глазами туман, в котором необходимо найти дорогу.

– Можно сегодня, – произносит голос, похожий на мой.

– Отлично. – Мидар обводит присутствующих взглядом. – Будут ко мне вопросы?

– Нам все ясно, – отвечает Джоад и направляется к двери с видом заключенного, отпущенного на волю. Кэтрин берет свой «Блекбери» и просматривает входящие сообщения. Джей бросается к Мидару, преисполненный благодарности. Он мельком ловит мой взгляд и сразу опускает глаза. Братья чувствуют себя виноватыми, это видно. Мне становится совсем плохо. Только лицо Шелли с лучистыми серыми глазами, обрамленное темными кудряшками, выглядит дружелюбным. Она раскидывает руки в стороны и принимает меня в объятия. Но даже Шелли не знает, что сказать мне в эту минуту.

По очереди мои родственники пожимают руку мистеру Мидару, пока я сижу на своем месте, как провинившийся ученик, оставленный после урока. Наконец все уходят, и мистер Мидар закрывает дверь. Становится так тихо, что я слышу, как кровь бежит по моим жилам и ударяет в виски. Он возвращается на свое место во главе стола. Лицо его гладкое и загорелое. Мягкий взгляд плохо сочетается с резкими чертами.

– Вы в порядке? – спрашивает он, словно действительно хочет услышать ответ. Видимо, у него почасовая оплата.

– В порядке, – говорю я. *Нищая, без матери, униженная, но в порядке. В полном.*

– Ваша мама переживала, что в этот день вам будет особенно тяжело.

– Правда? – Слегка усмехаюсь. – Она думала, меня расстроит, что я не упомянута в завещании?

Он накрывает ладонью мою руку.

– Это не совсем так.

– Единственная дочь, и не получает ничего. Ничего. Даже символического подарка. Черт возьми, я ведь ее единственная дочь.

Вырываю руку и кладу на колени. Опускаю голову, взгляд падает на кольцо с изумрудом, часы «Ролекс», браслет от Картье. Поднимаю глаза и замечаю на милом лице мистера Мидара нечто похожее на отвращение.

– Я знаю, о чем вы думаете. Считаете меня испорченной эгоисткой. Думаете, что все это из-за денег. – Горло сжимается. – Вчера все, что мне было нужно, – полежать на ее кровати. Все. Ничего больше. Я мечтала добраться до ее старой антикварной кровати, – украдкой потираю горло, – чтобы свернуться калачиком и ощутить ее присутствие...

К своему ужасу, понимаю, что начинаю плакать. Тихое поскуливание постепенно превращается в неистовые рыдания. Мидар бросается за салфетками. Он протягивает мне одну и гладит по спине, пока я стараюсь прийти в себя.

– Простите, – хриплю я. – Все так... тяжело.

– Понимаю вас. – Тень, промелькнувшая на лице, дает право сделать вывод, что он действительно понимает.

Промокаю глаза салфеткой. *Глубокий вдох. Еще один.*

– Ладно. – Всклипываю, почуяв шаткое равновесие в душе. – Вы сказали, вам надо что-то обсудить.

Он достает из портфеля еще одну тонкую папку и кладет на стол передо мной.

– У Элизабет были на ваш счет несколько иные планы.

Он открывает папку и протягивает мне желтый листок из школьной тетради с глубокими заломами, и это подсказывает мне, что когда-то он был смят в тугой ком.

– Что это?

– Жизненный план, – отвечает он. – *Ваш* жизненный план.

Лишь через несколько секунд я понимаю, что лист действительно исписан моим почерком. Витиеватым почерком четырнадцатилетней девочки. Несомненно, этот жизненный план написан мной, но я этого не помню. Помимо поставленных тогда перед собой целей с удовольствием рассматриваю приписанные маминой рукой комментарии.

МОИ ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ

1. Родить ребенка, может, и двоих.
2. Поцеловать Ника Никола.
3. Стать членом группы поддержки. *Поздравляю. Неужели это было так важно?*
4. Учиться на «отлично». *Возможности переоценены.*
5. Покататься на лыжах в Альпах. *Здорово мы тогда повеселились!*
6. Завести собаку.
7. Отвечать правильно на вопросы сестры Роуз, когда она вызывает меня, а я болтаю с Кэрри.
8. Съездить в Париж. *Ах, какие воспоминания!*
9. Сохранить дружбу с Кэрри Ньюсом навсегда!!
10. Поступить в Северо-Западный университет. *Я горжусь своей девочкой!*
11. Всегда быть приветливой и дружелюбной. *Класс!*
12. Помогать бедным.
13. Иметь крутой дом.
14. Купить лошадь.
15. Принять участие в беге с быками³. *Даже не думай.*
16. Выучить французский. *Tres bien!*
17. Влюбиться.
18. В свободное время выступить с репризой на сцене клуба комедии.

³ Бег с быками, или энсьерро, – испанский национальный обычай.

19. Сохранить хорошие отношения с папой.

20. Стать классным учителем!

– Хм, – только и говорю я, изучив список. – Поцеловать Ника Никола. Стать болельщицей. – Улыбаюсь и подталкиваю листок обратно к Мидару. – Миленько. Откуда он у вас?

– От Элизабет. Она хранила его долгие годы.

Вскидываю голову:

– И что? Она завещала мне только давнишний жизненный план? Все?

Мистер Мидар смотрит предельно серьезно:

– Ну, нечто в этом роде.

– Что вообще происходит?

Он подвигает стул ближе.

– Хорошо, дело в следующем. Много лет назад Элизабет вытащила этот листок из мусорной корзины. В течение вашей дальнейшей жизни, когда вы добивались очередной поставленной некогда цели, она вычеркивала этот пункт. – Указывает на строчку со словами «ВЫУЧИТЬ ФРАНЦУЗСКИЙ». – Видите?

Рядом мама по-французски подписала «*Tres bien!*» – «очень хорошо» и зачеркнула написанное мной.

– Но десять поставленных целей еще не достигнуты.

– Давайте без шуток. У меня сейчас и без того немало дел.

Мидар качает головой:

– Ваша мама считала, что достижение этих целей актуально и сегодня.

Хмурюсь, задетая тем, что он знает меня лучше, чем я полагала.

– Мама ошибалась.

– Она хотела, чтобы вы продолжили действовать по этому плану.

У меня отвисает челюсть.

– Вы точно шутите. – Трясу перед ним пожелтевшим листком. – Я написала это двадцать лет назад! Сочту за честь выполнить все мамины пожелания, но только не этот жизненный план!

Он вытягивает руки, как патрульный на дороге.

– Я лишь передаю, что мне поручено.

Делаю глубокий вдох и примирительно киваю.

– Извините. – Падаю на стул, с силой начинаю тереть лоб. – О чем она только думала?

Пролистав страницы в папке, мистер Мидар извлекает розовый конверт. Сразу узнаю его. Мамины любимые канцелярские товары от «Крейн».

– Элизабет написала вам письмо и просила меня зачитать его вслух. Не спрашивайте, почему я не могу просто отдать его вам. Она настаивала, что я должен поступить именно так. – Одаривает меня весьма дерзкой улыбкой. – Читать?

Прячу ухмылку.

– Послушайте, я понятия не имею, о чем мама могла думать. До сегодняшнего дня я бы сказала, что вы обязательно должны прочесть письмо вслух, если она вас об этом просила. Вероятно, у нее были на то причины. Но сейчас все изменилось.

– Считаю, надо выполнить просьбу. Ведь она руководствовалась некими причинами.

От звука разрываемого конверта сердце заходится в бешеном ритме. Стараюсь сидеть спокойно, сложив руки на коленях.

Мидар пристраивает на нос очки и откашливается.

– «Дорогая Брет.

Хочу сначала пожалеть тебя за то, что тебе пришлось вынести за последние пять месяцев. Ты была моим внутренним стержнем, моей душой, и спасибо тебе за это. Я не

думала расставаться с тобой так скоро. Впереди нас ждало еще столько любви и радости, верно? Но ты сильная, ты выдержишь, даже станешь лучше, хотя сейчас можешь мне и не поверить. Сегодня тебе грустно, я знаю, но пусть эта печаль побудет с тобой немного.

Я хотела бы находиться рядом, чтобы помочь тебе пережить это время скорби. Я бы обняла тебя и сильно прижимала к себе, пока у тебя не перехватило дыхание, точно, как делала, когда ты была маленькой. Или пригласила бы тебя вместе пообедать. Мы нашли бы уютный столик в отеле «Пенинсула», и я бы весь день слушала рассказ о твоих страхах и горестях, гладила бы тебя по руке, чтобы показать, как я сочувствую твоей боли».

Голос Мидара становится напряженным. Он поднимает глаза и вглядывается в мое лицо.

– Вы в порядке?

Киваю, не в силах вымолвить ни слова. Он похлопывает меня по руке и пожимает ее, прежде чем продолжить.

– *«Видимо, сегодня ты была сбита с толку тем, что братья получили свою часть наследства, а ты нет. Представляю, как ты разозлилась, когда руководящий пост достался Кэтрин. Верь мне, я знаю, что делаю, и все это только ради тебя».*

Мидар улыбается мне.

– Ваша мама вас любит.

– Знаю, – шепчу я, прикрывая рукой дрожащие губы.

– *«Однажды двадцать лет назад я выбрасывала мусор из твоей коробки «Бeverли-Хиллз 90210» и нашла смятый листок. Разумеется, мне стало любопытно, и я его развернула. Как ты понимаешь, я нашла твой план на будущее. Не представляю, почему ты его выбросила, мне он показался чудесным. Помнишь, я тебя спросила о нем в тот вечер?»*

– Нет, – отвечаю я очень громко.

– *«Ты сказала, что это все глупые мечты, а ты в мечты не веришь. Полагаю, все это как-то связано с твоим отцом. Он обещал заехать за тобой днем и провести время вместе, но так и не приехал».*

Боль сжимает ледяной рукой все нутро и выкручивает, пока оно не превращается в тугой узел из стыда и гнева. Прикусываю нижнюю губу и плотно сжимаю веки. Сколько раз отец надувал меня? Я уже и счет потеряла. После первой дюжины я все поняла. Но все же оставалась слишком доверчивой. Я верила в Чарльза Боулингера, как в волшебника Санта-Клауса, верила, что папа обязательно придет, если я буду продолжать верить.

– *«Твои жизненные цели тронули мою душу. Некоторые, как номер семь, казались потешными. Другие зрелыми и обдуманнными, как номер 12: «ПОМОГАТЬ БЕДНЫМ». Ты всегда умела жертвовать, Брет, у тебя чувствительная, заботливая душа. Сейчас мне так больно видеть, сколько поставленных целей еще не достигнуто».*

– Мне не нужны такие цели, мама. Я изменилась.

– *«Разумеется, ты изменилась»*, – продолжает Мидар.

Выхватываю у него письмо.

– Неужели она так написала?

Он указывает на строчку.

– Вот здесь.

Волосы на голове начинают шевелиться.

– Чудно. Продолжайте.

– *«Разумеется, ты изменилась, но, милая моя, боюсь, ты отказалась от истинно верных устремлений. Скажи, разве сейчас у тебя есть цели?»*

– Есть, конечно, – уверенно говорю я и спешно пытаюсь придумать хотя бы одну. – До сегодняшнего дня я думала управлять «Боулингер косметик».

– *«Роль деловой женщины совсем тебе не подходит».*

Прежде чем успеваю выхватить у него лист, мистер Мидар наклоняется и сам показывает мне написанное предложение.

– Бог мой, такое впечатление, что она меня слышит.

– Возможно, поэтому она и просила меня прочитать письмо, чтобы получился своего рода диалог.

Промокаю глаза салфеткой.

– У мамы было развито шестое чувство. Если меня что-то тревожило, ей никогда не надо было объяснять. Она сама мне все рассказывала. А когда я пыталась убедить ее, что все не так, она смотрела на меня и говорила: «Брет, ты забыла, я тебя родила. Я единственная, кого ты не сможешь обмануть».

– Здорово, – искренне восхищается Мидар. – Такая связь поистине бесценна.

Вновь вижу в его глазах сопереживание и боль.

– Вы тоже потеряли родителей?

– Они оба живы. Живут в Шампейне.

Он не говорит, здоровы ли они. Решаю оставить тему.

– *«Я очень жалею, что позволяла тебе все эти годы работать в «Боулингер косметик».*

– Мама! Спасибо тебе большое!

– *«Ты слишком тонкая натура для такой среды. Ты рождена преподавать».*

– Преподавать? Ненавижу преподавать!

– *«Ты никогда не стремилась развивать в себе эти способности. Помнишь тот неудачный опыт в Мидоудейл?»*

Качаю головой:

– Ох, отлично помню. Мне было так одиноко в тот год.

– *«И потом ты пришла ко мне и плакала, разочарованная и переполняемая страхами, и я приняла тебя в свою компанию, нашла место в отделе маркетинга. Я сделала все, чтобы стереть с твоего прекрасного личика следы тревоги и печали. Вместо того чтобы убедить тебя оттачивать свое мастерство учителя годами, я позволила тебе отказаться от мечты. Позволила остаться на удобной, хорошо оплачиваемой работе, которая никогда тебя не увлекла».*

– Я любила свою работу.

– *«Страх перемен развивает в нас инертность. И это опять заставляет вернуться к твоему жизненному плану. Пока Брэд читает, просмотри список еще раз».*

Он кладет лист так, чтобы он был виден нам обоим, и я начинаю разглядывать его внимательнее, чем раньше.

– *«Из двадцати пунктов я пометила десять, которые следует выполнить. Начнем с номера один: «РОДИТЬ РЕБЕНКА, МОЖЕТ, И ДВОИХ».*

– Это безумие! – ною я.

– *«Боюсь, грусть никогда не покинет сердце, если в твоей жизни не появятся дети – или хотя бы ребенок. Хотя я и знаю многих счастливых бездетных женщин, не уверена, что ты из их числа. Моя девочка всегда любила пупсов, не могла дождаться, когда ей исполнится двенадцать, чтобы подрабатывать няней. Моя девочка заворачивала кота Тоби в детское одеяльце и плакала, когда он вырывался и удирал из кресла-качалки. Ты это помнишь, милая моя?»*

Мой смех заглушают рыдания, и мистер Мидар протягивает мне очередную салфетку.

– Я люблю детей, но... – замолкаю, потому что придется нелестно отозваться об Эндрю, а это нехорошо с моей стороны. Слезы продолжают лить из глаз, я даже не пытаюсь остановиться. Мидар терпеливо ждет, пока я, наконец, не указываю на письмо и машу рукой.

– Уверены? – Он поглаживает меня по спине.

Киваю, уткнувшись носом в салфетку.

Он косится на меня с недоверием, однако продолжает:

– *«Пропустим второй пункт. Надеюсь, ты все же поцеловала Ника Никола. Полагаю, это было восхитительно».*

Улыбаюсь:

– Точно.

Мидар мне подмигивает, и мы оба утыкаемся в лист.

– *«Переходим к шестому пункту, – читает он. – «ЗАВЕСТИ СОБАКУ». Замечательная мысль! Иди и найди себе щенка, Брет!»*

– Собаку? Почему ты решила, что я хочу иметь собаку? У меня нет времени даже на рыбку, не говоря о собаке. – Поднимаю глаза на Брэда. – А что будет, если я не выполню какой-то из пунктов?

Он вытаскивает пачку розовых конвертов, перетянутых резинкой.

– Ваша мама поставила условие, что после выполнения каждого пункта вы будете приходить ко мне и получать конверт. Когда закончатся все десять целей, вы получите это. – Он достает знакомый розовый конверт, на котором написано: «Исполнение».

– И что в конверте «Исполнение»?

– Ваше наследство.

– Ну, конечно. – Вновь тру виски и смотрю ему прямо в глаза. – Вы знаете, что там?

Мидар пожимает плечом.

– Полагаю, кардинальные жизненные изменения.

– Изменения? Моя жизнь только что развалилась на кусочки! И мне предстоит сложить ее опять в единое целое путем, предписанным *ребенком*?

– Послушайте, я понимаю, вы сегодня немало вынесли, давайте встретимся в другое время.

Резко встаю со стула.

– Я действительно много вынесла. Утром я пришла сюда с надеждой выйти из этого кабинета главой «Боулингер косметик», хотела, чтобы мама мной гордилась, мечтала поднять семейное дело на новую высоту. – Мне сдавливают горло, тяжело глотаю. – А вместо этого мне предлагают купить лошадь? Невероятно! – Быстро моргаю, стараясь удержать слезы, помогаю себе ладонью. – Простите, мистер Мидар. В этом нет вашей вины, просто мне сложно справиться с собой. Увидимся позже.

Уже в дверях Мидар догоняет меня и протягивает мой жизненный план:

– Оставьте это себе. Вдруг передумаете. – Сует листок мне в руку. – Помните, часы тикают.

Вскидываю голову.

– Какие часы?

Мидар смущенно смотрит на свои «Коул Хаан».

– Вы должны достигнуть по крайней мере одной цели до конца месяца. Ровно через год – 13 сентября будущего года – необходимо закончить выполнение всего плана.

Глава 3

Проведя три часа в «Аон-центре», иду, спотыкаясь, эмоции вспыхивают и затухают, напоминая метеоритный дождь. Шок. Отчаяние. Ярость. Печаль. Толкаю дверь и выхожу из здания, направляюсь к машине.

– Один-тринадцать Астор-стрит, – говорю водителю.

Маленький красный блокнот. Мне необходим маленький красный блокнот! Сегодня я чувствую себя сильнее – намного сильнее – я готова прочесть мамин дневник. Возможно, там она объяснит, почему решила со мной так поступить. Может, это вовсе не дневник, а, например, старый ежедневник, и я узнаю, что дело маминой жизни было на грани финансового краха, поэтому она оставила его не мне. В любом случае в этом блокноте я найду объяснения.

Когда машина останавливается у обочины, выхожу, распахиваю тяжелые железные ворота и несусь к ступенькам крыльца. Даже не подумав снять туфли, спешу вверх по лестнице прямо в мамину спальню.

Глаза забегали по залитой солнцем комнате. На комодке только лампа и шкатулка с драгоценностями. Ящики пусты. Открываю дверь встроенного шкафа, но там ничего нет. Поочередно залезаю в ящики прикроватных тумбочек.

Где же она? Несусь к бюро, но нахожу лишь визитки, ручки и печати. В душе нарастает паника. Черт возьми, куда я дела этот блокнот? Достала из шкафа и положила... куда? На кровать? Да. Или нет? Сердце заходится. Как я могла быть такой беспечной? Верчусь, оглядывая комнату. Сжимаю руками голову. Господи, что я могла сделать с этим дневником? Память походит на темное размытое пятно. Я умудрилась так напиться, что забыла и ранее произошедшие события? Стоп! Он был у меня в руках, когда я упала с лестницы? Вылетаю из комнаты и несусь вниз.

Через два часа, проверив все ящики в доме, все тумбочки и шкафы, даже мусорное ведро, я прихожу к выводу, что маминой записной книжки нигде нет. В состоянии близком к истерике я звоню родственникам, но никто из них не имеет понятия, о чем я спрашиваю. Падаю на диван и закрываю лицо руками. Боже, помоги мне, я потеряла поддержку, наследство и последний подарок моей матери. Возможно ли пасть еще ниже?

Когда в среду утром звонит будильник, просыпаюсь в блаженном состоянии отсутствия малейших воспоминаний о произошедшем вчера кошмаре. Вытягиваю руку над прикроватной тумбочкой, нащупываю кнопку и жму. Звонок затихает. Переворачиваюсь на спину и вознаграждаю себя еще минуткой отдыха с закрытыми глазами. В одно мгновение наваливается лавина воспоминаний. Глаза распахиваются сами собой, тело сковывает страх.

Мама умерла.

Кэтрин возглавила «Боулингер косметик».

А я должна разрушить свою жизнь.

Слоновья тяжесть придавливает грудь, с трудом делаю вдох. Как я буду смотреть в глаза коллегам и начальству, когда теперь все знают, что мама мне не доверяет?

Сердце рвется наружу, приподнимаюсь на локте. Сквозняком с чердака приносит аромат осени. Хлопаю глазами, чтобы привыкнуть к темноте. Я не смогу. Не смогу вернуться на работу. Откидываюсь на подушки и разглядываю металлические трубы под потолком.

Но выбора нет. Когда вчера, после встречи с Мидаром, я не появилась, новая начальница позвонила мне и настояла на встрече сегодня утром. И как бы я ни хотела послать Кэтрин – женщину, которой доверяет мама, – к черту, лишённая наследства, я вынуждена работать.

Свешиваю ноги с кровати. Осторожно, чтобы не разбудить Эндрю, натягиваю махровый халат и в этот момент понимаю, что он уже встал. Еще нет пяти, а мой в высшей степени

дисциплинированный парень встал и отправился на пробежку. Вот так вот. Запахиваю халат и шлепаю босиком по дубовому полу и вниз по металлической лестнице.

С чашкой кофе забираюсь с ногами на диван в гостиной и разворачиваю «Трибюн». Очередной скандал в мэрии, коррумпированные чиновники, но ничего того, что могло бы отвлечь меня от предстоящего дня. Будут ли коллеги выражать мне сочувствие и говорить, как несправедливо было мамино решение? Открываю страницу с кроссвордом и ерзаю в поисках карандаша. Или офис взорвется аплодисментами в восторге от нового решения? С губ слетает стон. Я должна расправить плечи, высоко поднять голову и заставить всех поверить, что идея сделать Кэтрин президентом компании исходила от меня.

О, мама, почему ты так со мной поступила?

В горле встает ком, проталкиваю его с кофе. Сегодня нет времени для печали, спасибо за это Кэтрин и чертовой встрече. Она считает, ей удалось все скрыть, но я-то знаю, чего она хочет. Сегодня она торжественно предложит мне свою старую должность вице-президента в обмен на милостивое к ней отношение и полное повиновение. Однако она ошибается, если думает, что я приму любое ее предложение с радостью. Теперь, когда я лишена наследства, мне нужна чертовски хорошо оплачиваемая должность.

Поджатые губы вытягиваются в улыбке, когда в дверях появляется Эндрю – спортивные шорты и футболка «Чикаго кабз» мокры от пота. Он проводит рукой по влажным волосам и хмурится, взглянув на черные пластиковые часы.

Встаю с дивана.

– Доброе утро, милый. Как побегал?

– Не очень. А ты опять отлыниваешь от работы?

Чувство вины пронзает до самых кишок.

– Да. Совсем нет сил.

Он наклоняется, чтобы развязать шнурки.

– Уже прошло пять дней. Лучше не позволять себе распускаться окончательно.

Он направляется в прачечную, а я иду варить кофе. Когда возвращаюсь с чашкой, его подтянутое, стройное тело уже лежит на диване. На нем спортивные штаны и чистая футболка, в руках не законченный мной кроссворд.

– Помочь? – сажусь и прижимаюсь к его плечу.

Не отрываясь от газеты, Эндрю берет из моих рук чашку и пьет «быр». Вглядываюсь в номер 12 по вертикали: «Денежная единица Эфиопии». Впечатляет.

– Четырнадцать по горизонтали... – бормочу я, радуясь возможности продемонстрировать свой интеллект. – Столица «штата сокровищ»...⁴ думаю, Хелена.

– Знаю. – Задумавшись, Эндрю упирается карандашом в лоб.

Как долго мы разгадываем этот кроссворд? Лежим на одной подушке, ломаем голову и потягиваем кофе. Время от времени, когда я отвечаю на особенно сложный вопрос, Эндрю целует меня и говорит, что восхищается моими мозгами.

Собираюсь уходить, но задерживаюсь на полпути к лестнице.

– Эндрю?

– М-м-м?

– Ты будешь рядом, если мне понадобится помощь?

Наконец он поднимает голову.

– Иди сюда. – Похлопывает по диванной подушке рядом с собой.

Сажусь, и он кладет руку мне на плечо:

– Ты все еще переживаешь, что я не пришел на похороны?

– Нет. Я все понимаю. Оплачиваемое времяпрепровождение важнее.

⁴ «Штат сокровищ» – неофициальное название штата Монтана.

– Сарказм тебе не идет, Брет. – Он откладывает карандаш на журнальный столик и усмехается, отчего на левой щеке появляется умильная ямочка. – Должен признать, когда ты отвечаешь таким тоном, это не убеждает даже меня. – Не сводя с меня глаз, он становится серьезным. – Что же касается твоего вопроса, разумеется, я буду рядом. Об этом не беспокойся. – Проводит пальцем по моей щеке. – Я буду поддерживать каждое твое действие, и ты станешь лучшим директором компании с моей помощью или без нее.

Сердце стучит часто-часто. Вчера вечером, когда Эндрю появился дома с бутылкой шампанского «Пьер Жуэ», из трусости – или смелости – я решила не признаваться ему, что никогда не буду президентом «Боулингер косметик».

Человек скупой на комплименты, на этот раз он просто сыпал ими. Разве преступление погреться один-единственный день в лучах одобрения любимого мужчины? Сегодня вечером, когда я смогу смягчить удар сообщением о должности вице-президента, я обязательно оправдаю себя в его глазах.

Эндрю гладит мои волосы.

– Скажи мне, госпожа начальница, какие у тебя на сегодня планы? Не собираешься нанимать нового юриста?

Что? Как он мог рассчитывать, что я пойду против воли мамы? Стараюсь обратить все в шутку, но мое веселье кажется таким же неподдельным, как бриллиант в пакете «Крекер Джек».

– Не думаю. Утром у меня встреча с Кэтрин, – произношу я, чтобы навести его на мысль, что сама инициировала встречу. – Необходимо обсудить кое-какие вопросы.

Эндрю кивает:

– Верный ход. Помни, она работает на тебя. Дай ей понять, что теперь ты командуешь.

Чувствую, как кровь приливает к лицу, и опускаюсь на диван.

– Лучше пойду в душ.

– Я горжусь тобой, мадам президент.

Понимаю, я должна была сказать, что такие слова заслуживает Кэтрин, что ее он должен называть мадам президент. И скажу. Обязательно скажу.

Вечером.

Несмотря на стук каблучков моих туфель по мраморному полу вестибюля Чейз-Тауэр, мне удастся миновать его незамеченной. Поднявшись на сорок девятый этаж, вхожу в шикарную штаб-квартиру «Боулингер косметик». Не отрывая глаз от пола, прохожу одни, затем другие стеклянные двери и направляюсь прямо в офис Кэтрин.

Засовываю голову в угловой кабинет, который когда-то занимала мама, и вижу за столом Кэтрин. Как, впрочем, и всегда, она выглядит безупречно. Кэтрин говорит по телефону, но призывно машет мне рукой, вытягивая указательный палец, извещая, что скоро будет готова уделить мне время. Пока она заканчивает разговор, я медленно прохожусь по некогда хорошо знакомому помещению, интересно, что она сделала с картинами и скульптурами, так любимыми мамой. На их месте теперь расположился книжный шкаф и несколько наград в рамках. Единственное, что осталось от священного времени правления мамы, – захватывающий вид города из окна и табличка на двери. Однако, приглядевшись, замечаю, что на ней выгравировано не мамино имя! Тот же шрифт, латунь, мрамор. Читаю: «*Кэтрин Гамфриз-Боулингер, президент*».

Внутри меня все закипает. Как давно она узнала, что наследует мамину должность?

– Да, прекрасно. Пришлите мне цифры сразу, как получите. Да. *Supashi-bo, Yoshi. Adiosu.* – Кэтрин вешает трубку и переключает внимание на меня. – Токио, – говорит она, качая головой. – Четырнадцать часов разницы. Очень трудно. Приходится приезжать сюда затемно,

чтобы с ними поговорить. – Жестом указывает на пару кресел в стиле Людовика XV. – Присаживайся.

Сажусь и провожу рукой по кобальтового цвета шелку, стараясь вспомнить, стояли ли эти кресла в прежнем кабинете Кэтрин.

– Смотрю, ты совсем переехала, – говорю я, не в силах заглушить внутреннее недовольство. – Даже табличку на двери поменяла за... за двадцать четыре часа? Невероятно, что ее сделали так быстро.

Она встает, обходит стол и располагается в кресле напротив. Теперь ее лицо прямо напротив моего.

– Брет, нам всем сейчас непросто.

– Всем непросто? – Глаза заволакивает пелена. – Ты серьезно? Я в один момент потеряла маму и семейное дело. Ты же получила счастливый билет и компанию в придачу. Это ты меня настраивала, говорила, что я буду президентом. Я работала как проклятая, чтобы войти в курс дела!

Кэтрин воспринимает мои слова невозмутимо, словно я только что похвалила ее платье. Из глаз летят искры гнева, но я не решаюсь сказать больше. Она моя невестка, а теперь еще и босс.

Кэтрин наклоняется вперед, побелевшие пальцы сжимают колени.

– Прости, – говорит она. – Но я была искренна. Меня, как и всех, шокировало вчерашнее известие. Прошлым летом я совершила ошибку – непростительный поступок. Я была уверена, что ты займешь должность матери, поэтому начала тебя готовить, не поставив в известность Элизабет. Не хотела, чтобы она посчитала это предательством, словно мы похоронили ее раньше времени. – Сжимает мою ладонь. – Поверь, я была настроена работать под твоим началом. И знаешь, я гордилась бы своим положением. Я уважаю тебя, Брет. Не сомневаюсь, ты могла бы справиться с этой работой. Правда.

Могла бы? Хмурюсь, не понимая, комплимент это или оскорбление.

– Но табличка на двери! Как же ты так быстро ее поменяла, если ничего не знала?

Кэтрин улыбается:

– Это Элизабет. Она сама заказала ее, когда была еще жива. Вчера, когда я вошла в кабинет, она лежала на моем столе.

От стыда низко опускаю голову.

– Как похоже на маму.

– Она была удивительная женщина. – Глаза Кэтрин блестят. – Мне никогда не стать такой, как она. Если я смогу хоть отдаленно походить на нее, это уже большой успех.

Смягчаюсь. Кэтрин, несомненно, тоже тяжело переживает столь скорый уход Элизабет Боулингер. Они с мамой были идеальным деловым тандемом. Мама была лицом предприятия, а Кэтрин ее неустанным кадровым помощником. Оглядываю кашемировое платье, элегантные туфли от «Феррагамо», гладкую кожу цвета слоновой кости, убранные в строгую прическу волосы, и понимаю выбор мамы. Кэтрин просто олицетворяет собой образ идеального президента компании, ей и только ей быть маминым преемником. И все же мне очень больно. Ведь мама должна была предполагать, что я сумею развить в себе качества, которыми обладает Кэтрин.

– Извини, – говорю я. – Правда, прости меня. Это не твоя вина, что мама не видела во мне задатки руководителя. Ты добьешься огромных успехов.

– Спасибо тебе, – шепчет Кэтрин и встает, чтобы закрыть дверь в кабинет. Вернувшись на место, она смотрит на меня пристально и с большим напряжением. – То, что я скажу, дается мне с трудом. – Кэтрин краснеет и покусывает нижнюю губу. – Приготовься, Брет. Это будет непросто принять.

Нервно посмеиваюсь в ответ:

– Бог мой, Кэтрин, да у тебя самой руки трясутся! Не представляла, что ты можешь так нервничать. В чем дело?

– Я получила приказ от Элизабет. Она оставила мне розовый конверт в ящике стола. Внутри был листок. Я могу показать тебе, если захочешь. – Поднимается, но я хватаю ее за руку:

– Не надо. Еще одно письмо от мамы я не вынесу. Перескажи, что там написано. – Сердце рвется из груди.

– Твоя мама... она велела мне... она хотела...

– Что? – почти выкрикиваю я.

– Ты уволена, Брет.

Глава 4

Не помню, как добиралась домой. Обрывками вспоминаю только, как, шатаюсь, поднимаюсь по лестнице в квартиру, затем вхожу в спальню и падаю на кровать. Следующие два дня все мое существование сводится к череде сна, тревожного пробуждения и плача. К утру пятницы сострадание Эндрю ослабевает. Он садится на край нашей постели, такой красивый в угольно-черном костюме и белоснежной рубашке, и поглаживает меня по волосам:

– Пора выбираться из этого, малыш. Ты ошеломлена свалившимися на тебя обязанностями и, вполне естественно, пытаешься отгородиться от них.

Пытаюсь возразить, но он прижимает палец к моим губам, добиваясь молчания.

– Я не говорю, что ты не способна действовать, я говорю, что ты боишься. Послушай, милая, ты не можешь прогуливать четыре дня подряд. Это не прежняя работа в рекламе, когда ты могла временами манкировать своими обязанностями.

– Манкировать? – Чувствую, как волосы на голове зашевелились. Он считает должность директора по маркетингу пустячной! Но хуже того, что и это место мне не удалось сохранить. – Ты не представляешь, через что я прошла. Могу я позволить себе на пару дней погрузиться в горе?

– Эй, я всегда на твоей стороне. Просто хочу помочь вернуться в игру.

Сжимаю пальцами ноющие виски.

– Я знаю. Прости меня. Просто все три дня я не в себе. – Эндрю встает, но я удерживаю его за край пиджака. Надо сказать ему правду! План, казавшийся мне отличным во вторник вечером, не сработал из-за того, что мама меня уволила, и теперь я пытаюсь набраться храбрости и объяснить все Эндрю.

– Останься сегодня дома. Пожалуйста. Мы могли бы вместе...

– Прости, малыш. У моего клиента проблемы с доставкой груза. – Он освобождается из моих рук и разглаживает полу пиджака. – Постараюсь освободиться пораньше.

Признайся же. Немедленно.

– Подожди!

Эндрю останавливается почти у порога и бросает на меня взгляд через плечо.

Сердце трепещет в груди.

– Мне надо тебе кое-что сказать.

Он поворачивается и смотрит на меня в упор так, словно привычное лицо его девушки внезапно изменилось. Наконец, возвращается, усаживается на прежнее место и целует меня в макушку, словно я пустоголовая пятилетняя девчонка.

– Прекрати заниматься ерундой. Прежде всего тебе необходимо вытащить свою задницу из постели. Ты должна управлять компанией. – Эндрю нежно щиплет меня за щеку и, прежде чем я успеваю открыть рот, исчезает из комнаты.

Слышу хлопок закрываемой двери и падаю лицом в подушку. Черт возьми, что же мне делать? Я не президент «Боулингер косметик». И даже не директор по рекламе и маркетингу. Я безработная неудачница, перепуганная возможной реакцией на мое признание парня со статусом и положением.

Я не была удивлена, когда Эндрю рассказал мне, что он родом из Даксбери – зажиточного пригорода Бостона. Он обладал всеми атрибутами богатого человека – носил итальянскую обувь, швейцарские часы и ездил на немецкой машине. Однако от разговоров о детстве всегда уклонялся. Я знала только, что у него есть старшая сестра. У отца было небольшое дело. Мне казалось странным, что больше он ничего не рассказывал.

После трех месяцев и двух бутылок вина Эндрю наконец вывалил на меня правду. Злой и красный оттого, что вынужден признаться под моим давлением, он поведал, что отец его

весьма посредственный столяр с амбициями, намного превышающими его достижения. Мать всю жизнь простояла за прилавком магазина «Сейфуэй» в Даксбери.

Эндрю никогда не был богатым отпрыском, но сделал все, чтобы таким казаться.

Я ощутила прилив тепла и уважения к Эндрю, которого не испытывала раньше. Он не был обласканным судьбой наследником, он всего в жизни добился сам, боролся и работал для достижения успеха. Тогда я поцеловала его в щеку и сказала, что горжусь им, а его происхождение из трудовой семьи заставляет меня любить его еще больше. Вместо улыбки на его лице отразилось презрение. Я уже знала, что Эндрю не видит ничего увлекательного в низком происхождении, а жизнь в среде богачей оставила на его сердце глубокий шрам.

Внезапно меня охватывает паника.

Мальчик, выросший в бедности среди представителей элиты, всю сознательную жизнь пытается окружить себя успешными и богатыми людьми, надеясь забыть о своем скромном происхождении. Интересно, может, я для него просто одна из них?

Рассматриваю с дороги живописный Кейп-Код, выбранный для жизни Джеем и Шелли. Постриженные в линию кустарники, выложенные камнем тротуары, желто-оранжевые ящики для цветов. В душе поднимается волна столь несвойственной мне зависти. Они устроили для себя роскошное ложе, мягкое и уютное, в то время как моя постель жесткая и кишит клопами.

Стою на каменном тротуаре и заглядываю в утопающий в бурной растительности двор дома. Мой племянник увлеченно играет в мяч, но задирает голову, как только хлопает дверца машины.

– Тетечка Бвет! – бросается он ко мне.

Прижимаю к себе Тревора, и мы кружимся и хохочем, пока я могу устоять на ногах. Впервые за три дня мое лицо освещает искренняя радость.

– Что за мальчишка сделал меня счастливой? – спрашиваю я и щекочу животик племянника.

Прежде чем он успевает ответить, в патио появляется Шелли, волосы собраны в высокий хвост почти на самой макушке. На ней, как мне кажется, джинсы Джея, подвернутые несколько раз.

– Привет, сестричка, – говорит она мне. До того как она вышла замуж за моего брата, мы с Шелли были подругами и жили в одной комнате в колледже. Мы до сих пор с удовольствием дурачимся, называя друг друга сестричками.

– Привет. Ты сегодня дома.

Она идет мне навстречу, шаркая вязаными тапочками.

– Я уволилась.

Смотрю на нее во все глаза:

– Не может быть. Почему?

Шелли наклоняется, чтобы вырвать сорняк.

– Мы с Джеем решили, что будет лучше для детей, если один из нас останется с ними дома. После получения наследства мы не нуждаемся в деньгах.

Тревора извивается, силясь освободиться, и я опускаю его на землю.

– Я же мать. Так разумнее.

– И ты сдалась. Так просто?

– Да. К счастью, женщина, что замещала меня во время беременности, согласилась занять мое место. – Обрывает с одуванчика засохшие листья и бросает на землю. – Они провели вчера собеседование, и сегодня она вышла на работу. Мне даже не придется ее натаскивать. Все сложилось просто замечательно.

Ощущаю некоторую натянутость интонаций и понимаю, что не все так замечательно, как хочет уверить меня по друга. Шелли работала логопедом в клинике СенФренсис, в реабилитации.

литационном отделении, обучала взрослых, перенесших черепно-мозговую травму, не только заново говорить, но и думать, рассуждать и общаться с людьми. Она любила хвастаться, что это не только ее профессия, но и призвание.

– Прости, но я не могу представить тебя сидящей дома мамашей.

– Это будет здорово. Почти все мои соседки сидят с детьми. Каждое утро они собираются в парке, занимаются йогой вместе с малышами, играют в песочнице. Ты не представляешь, скольких важных вещей были лишены мои дети, пока ходили в детский сад. – Оглянувшись, находит глазами Тревора, бегающего кругами, расставив руки, изображая самолет. – Может быть, эта безработная наконец научит говорить собственного ребенка. – Шелли хихикает, но замолкает, не находя поддержки с моей стороны. – Тревор до сих пор не может произнести... – Она замолкает и смотрит на часы. – Постой, но ты ведь должна быть на работе.

– Не должна. Кэтрин меня уволила.

– О боже! Позвоню няне.

* * *

К счастью для нас, у Меган Уитерби, гипотенузы в нашем дружеском треугольнике, было хобби торговать недвижимостью, без особой, стоит заметить, надежды продать дом. И к счастью для Меган, она была почти помолвлена с защитником «Чикаго буллз» Джимми Нортрупом, считавшим комиссионные агента вещь необязательной. Посему, когда мы с Шелли позвонили ей по дороге в кафе «Френч пресс», она уже была там, словно предчувствовала кризис.

«Френч пресс» стало нашим любимым из всех безалкогольных кафе в округе – классное и очень уютное местечко, всегда заполненное желающими поболтать, что обеспечивало иммунитет от подслушивания. Теплый сентябрьский день манил на улицу, где за кованым столиком и расположилась Меган, одетая в черные легинсы и свитер с глубоким вырезом, облегающий, по ее собственному утверждению, «классные сиськи». Ее бледные голубые глаза подчеркнуты серыми тенями в стиле «смоки айс» и, кажется, тремя слоями туши. Светлые волосы перехвачены серебристой заколкой, на щеках угадываются розовые румяна. Меган, с одной стороны, напоминает девушку по вызову, с другой – в высшей степени женственную молодую даму – сочетание, которое, по-видимому, мужчины считают идеальным.

Увлеченно разглядывающая нечто на экране айпада, она даже не замечает, что мы подходим к ее столику. Удерживаю Шелли за локоть:

– Не будем мешать. Смотри, она же работает.

Шелли качает головой:

– Делает вид. – Заставляет меня подойти ближе и тычет пальцем в экран компьютера.

– Смотри. Perezhilton.com.

– А, вот и вы, – говорит Меган и убирает со стула очки от солнца, чтобы на них не уселась Шелли. – Только представьте! – Мы со своими маффинами и латте устраиваемся рядом с Меган, и она пускается в повествование о последнем скандале Анжелины и Брэда и диковинной вечеринке по поводу дня рождения Сури. Затем она переключается на Джимми. – «Ред лобстер»⁵ Представляете? На мне утягивающее платье от Эрве Леже, едва прикрывающее задницу, а он ведет меня в это «Ред-чертов-лобстер»!

Думаю, у каждой должна быть такая безумная, самоуверенная подруга, которая одновременно подавляет и заряжает энергией, подруга, чьи грубые оценки способны довести до истерики, заставляя при этом озираться с опаской, что вас кто-нибудь услышит. Меган именно такая подруга.

⁵ «Редлобстер» – сеть ресторанов, предлагающих блюда из морепродуктов.

Мы познакомились с ней два года назад через младшую сестру Шелли, Патти. Патти и Меган жили в одной комнате в Далласе, когда учились в школе стюардесс «Американ эрлайнс». Но во время одного из последних занятий Меган не смогла достать сумку с багажной полки над сиденьем. Ее руки оказались коротки для такой работы, сейчас Меган буквально одержима идеей исправить этот дефект. Убитая горем, она сбежала в Чикаго с целью стать риелтором, и во время первой же сделки встретила Джимми.

– Не буду врать, я обожаю бисквиты в «Ред лобстер», но все же!

Наконец Шелли не выдерживает и прерывает подругу:

– Меган, я же говорила тебе, Брет нужна помощь.

Меган демонстративно отодвигает айпад и кладет руки на стол.

– Ладно, я слушаю. Что за проблема, Чика?

Я еще не все сказала о Меган – она прекрасно умеет слушать. Если судить по сосредоточенному взгляду и сложенным на столе рукам, Меган предоставляет мне слово. Спешу воспользоваться возможностью и подробно рассказываю о выходке моей мамы, решившей окончательно испортить мне жизнь.

– Вот так. Ни работы, ни денег. Только десять жизненных целей, которые необходимо достичь за следующий год.

– Да, дело дрянь, – резюмирует Меган. – Скажи этому адвокату, чтобы убирался к черту. – Она вытягивает лист из моих рук. – Родить ребенка. Завести собаку. Купить лошадь. – Поднимает очки «Шанель» и смотрит на меня в упор. – О чем только думала твоя мать? Ты собираешься замуж за фермера Мака?

Не могу не улыбнуться в ответ. Меган эгоистична до крайности, но в нужный момент всегда способна рассмешить хорошей шуткой, и я не променяю подругу и на дюжину таких, как мать Тереза.

– Да и Эндрю совсем не похож на фермера Мака, если ты заметила, – говорит Шелли, высыпая в кофе второй пакетик сахара. – Что он обо всем этом думает? Он готов? Подарит тебе ребенка?

– А лошадь купит? – добавляет Меган и пронзительно смеется.

– Он все сделает. – С интересом рассматриваю ложку. – Я уверена в нем.

В глазах Меган пляшут чертики.

– Извини, но не представляю, куда ты денешь лошадь в городской квартире. В доме разрешают держать животных?

– Смотрю, тебе очень весело, Мэг. – Опять тру виски. – Мне начинает казаться, что мама была не в себе. Какая четырнадцатилетняя девчонка не хочет иметь лошадку? Или стать учительницей, родить детей и жить в красивом доме?

Шелли многозначительно поднимает указательный палец:

– Давайте-ка еще раз прочитаем весь список. – Передаю ей листок, и она начинает быстро бормотать себе под нос: – Сохранить дружбу с Кэрри Ньюсом, влюбиться, сохранить хорошие отношения с папой. – Поднимает глаза. – Это же проще простого.

Мои глаза становятся круглыми.

– Папа умер, Шелли.

– Значит, она хочет, чтобы ты о нем помнила. Сходи на кладбище, посади цветочки. Смотри, семнадцатый пункт ты уже выполнила, влюбилась. Ты влюблена в Эндрю, правильно?

Киваю, но внутри почему-то холодеет. Честно говоря, я уже и не вспомню, когда мы произносили фразу: «Я тебя люблю». Впрочем, это естественно. Это само собой разумеется, когда вы вместе четыре года.

– Отправляйся в офис мистера Мидара и сообщи ему. А вечером найди в «Фейсбуке» Кэрри Ньюсом и напиши ей что-нибудь. Вот вы опять друзья. Бинго! Еще одно очко.

Дыхание мое сбивается. Я не разговаривала с Кэрри с тех пор, когда она, обидевшись, ушла из моего дома восемнадцать лет назад.

– А номер двенадцать? «Помогать бедным». По-моему, это просто. Пожертвую что-нибудь в ЮНИСЕФ. – С надеждой смотрю на подруг. – Что скажете?

– Молодец, – восклицает Меган. – Ты кончишь быстрее, чем сексуально озабоченный подросток.

– Но этот чертов ребенок... – Тру переносицу. – И еще преподавательская работа. Клянусь, ноги моей больше не будет в классе.

Меган сжимает свое запястье и тянет – считает, что это сделает руки длиннее. Ее привычка время от времени тянуть себя за руки очень раздражает.

– Забудь о работе учителя. Устройся куда-нибудь на подмену на несколько дней или пару недель – и вуаля! Еще одно очко в твою пользу!

Погружаюсь в размышления.

– На подмену? Мама не упоминала, что я должна обязательно работать в штате. – Постепенно мои губы растягиваются в улыбку. – Отлично, девочки. В понедельник с меня мартини. Когда получу конверт или даже парочку от мистера Мидара.

Глава 5

Направляясь в понедельник утром в офис мистера Мидара, останавливаюсь у цветочного магазина и покупаю букетик полевых цветов. Решаю, что буду баловать себя таким маленьким подарком после достижения каждой новой цели, поставленной когда-то *той девчонкой*.

Неожиданно покупаю еще один букет для мистера Мидара. Поднимаюсь в лифте на двадцать второй этаж, возбуждение и предвкушение бурлят во мне тысячами пузырьков. Не представляю, какое у него будет лицо, когда я расскажу о своих достижениях. Однако когда я врываюсь в шикарную приемную и мчусь к столу Клэр, она смотрит на меня как на сумасшедшую:

– Вам нужно увидеть его немедленно? Но это совершенно невозможно. Он работает над сложнейшим делом.

Собираюсь уходить, и тут из кабинета, словно черт из табакерки, выскакивает Мидар. Он окидывает взглядом приемную и расплывается в белоснежной улыбке при виде меня:

– Мисс Боулингер! Мне показалось, я слышал ваш голос! Входите.

Клэр, разинув рот, смотрит, как мы проходим в кабинет. Вручаю ему букет.

– Это мне?

– Хочется быть щедрой.

Мидар усмехается:

– Спасибо. На вазу вы все же решили не тратить, а?

Обезоруживающе улыбаюсь в ответ:

– Купите сами. Я же безработная, как вам известно.

Мидар долго выбирает вазу и, наконец, останавливается на керамической, в которой стоят цветы из шелка.

– Да, вот уж незадача. Ваша мама играет жестко. – Выбрасывает искусственные цветы в мусорную корзину. – Пойду принесу воды. Я мигом.

Мидар удаляется с вазой в руках, оставляя меня одну, давая возможность освоиться в новой обстановке.

Оглядываю его массивный стол красного дерева. На нем три внушительные стопки папок, компьютер и чашка с коричневыми разводами. Ищу глазами фотографию хозяина кабинета в компании красавицы жены, очаровательного малыша и золотистого ретривера, но вместо этого нахожу снимок женщины среднего возраста, сидящей на борту яхты рядом с мальчиком-подростком. Прихожу к выводу, что это его сестра и племянник. Замечаю еще одну фотографию самого Брэда, стоящего в шапочке и мантии между мужчиной и женщиной, которых определяю как родителей.

– Все в порядке.

Поворачиваюсь на звук голоса и вижу Мидара, закрывающего ногой дверь. Он проходит в кабинет и ставит вазу с цветами на мраморную поверхность стола.

– Очень красиво.

– У меня для вас хорошие новости, мистер Мидар.

– Прошу вас, – указывает на стоящие напротив друг друга кожаные кресла, искусственно состаренные для придания большей солидности. – Нам предстоит год работать вместе, поэтому зовите меня Брэд.

– Хорошо. Тогда я Брет.

Он садится напротив меня.

– Брет. Мне нравится ваше имя. Кто его придумал?

– Разумеется, Элизабет. Она была увлечена американской литературой, и назвала меня в честь леди Брет Эшли, героини романа Хемингуэя «И восходит солнце».

– Прекрасный вкус. А Джоад? Из романа «Гроздь гнева» Стейнбека?

- Вы понятливы. А Джея назвали в честь Джея Гэтсби из романа Фицджеральда.
- Образованная женщина. Жаль, что я знал ее так мало.
- Мне тоже.

Он дружески касается моего колена:

- Вы в порядке?

Киваю, сглатывая ком.

- Пока не вспоминаю о ней.

- Понимаю.

Вновь, как и в прошлый раз, взгляд его затуманивается. Хочу спросить об этом, но останавливаю себя, боясь показаться бестактной.

- У меня две новости. – Расправляю плечи. – Я выполнила две намеченные цели.

Брэд вскидывает брови, но молчит.

- Номер семнадцать. Я влюбилась.

Он резко выдыхает:

- Довольно быстро.

- Вовсе нет. Мой парень, Эндрю... мы вместе уже четыре года.

- И вы его любите.

- Да. – Наклоняюсь, чтобы снять прилипший к туфле листик. Конечно, я люблю Эндрю.

Он умный и целеустремленный. Он отличный спортсмен и очень красив. Почему же у меня такое чувство, что я кого-то обманываю?

- Поздравляю. Позвольте вручить вам конверт.

Брэд встает и направляется к столу.

- Номер семнадцать, – бормочет он, перебирая конверты. – Ах, вот он.

Встаю, чтобы скорее получить конверт, но Брэд прижимает его к груди.

- Ваша мама просила...

- Бог мой, что еще?

– Извините, Брет. Она взяла с меня слово, что каждый конверт я буду открывать лично и зачитывать вам вслух все, что написано.

Плюхаюсь обратно в кресло, надуваю губы, складываю руки на груди и принимаю позу обиженного подростка:

- Давайте же, открывайте.

Кажется, он целую вечность открывает конверт и достает письмо. Изнемогая от любопытства, занимаю себя тем, что разглядываю его левую руку, надеясь увидеть платиновое кольцо, но вместо этого вижу чистую кожу, покрытую темными волосками. Брэд достает из нагрудного кармана очки и набирает в грудь больше воздуха.

– *«Привет, Брет, – начинает читать он. – Мне жаль, что тебе пришлось тащиться через весь город, чтобы сообщить, что ты влюблена в Эндрю. Видишь ли, я жду, что с тобой случится такая любовь, когда замирает сердце, когда жизнь готов отдать за дорогого тебе человека».*

Вскидываю руки:

– Она сумасшедшая! Такая любовь существует только в сериалах на канале «Лайфтайм». Это известно каждому идиоту.

– *«Мы часто выбираем отношения, похожие на те, что имели место в прошлом. Ты выбрала Эндрю, потому что он напоминает тебе отца, хотя знаю, что ты с этим не согласна».*

Непроизвольно вскрикиваю. Сложно представить двух более не похожих друг на друга мужчин. В отличие от Эндрю, умеющего ценить сильных женщин, папа был раздавлен маминим успехом. Многие годы он старался преуменьшать ее заслуги, посмеивался, называя дело ее

жизни «хобби». Заказы поступали быстрее, чем она успевала их выполнить. Мама арендовала помещение и наняла сотрудников. Она жила исполнением мечты. Вот тогда их брак и распался.

– *«Как и твой отец, Эндрю амбициозный и неуправляемый, однако скупой на чувства, неужели ты не согласна? И, ах, мне больно смотреть, как ты делаешь все, чтобы заслужить его одобрение, как поступала и в отношениях с отцом. Боюсь, что в борьбе за любовь ты позабыла о своем истинном «я». Поэтому ты считаешь себя недостойной собственной мечты?»*

Слезы обжигают глаза, усиленно моргаю. В голове всплывает картина из прошлого. Раннее утро, рассвет. Отправляюсь на ежедневное занятие плаванием, со страхом вхожу в темную воду, движимая лишь желанием заставить отца гордиться мной. Не вполне преуспевающая в учебе, изо всех сил стараюсь найти нечто общее с человеком, одобрения которого, как я вскоре понимаю, никогда не заслужу.

– *«Я желаю тебе счастья. Если ты уверена, что Эндрю и есть твоя единственная любовь, тогда расскажи ему об этом жизненном плане. Если он пожелает вместе с тобой идти к достижению всех целей, я пойму, что это настоящая любовь, и приму исполнение этого пункта. Но вне зависимости от результата помни: любовь – единственная вещь на свете, не приемлющая компромиссов. Возвращайся, когда найдешь истинную любовь, милая. Это того стоит».*

Обхватываю руками горло, стараясь придать лицу счастливое выражение.

– Отлично. Я очень скоро вернусь.

Бред поворачивается ко мне:

– Полагаете, он пойдет на это? Ребенок? Собака?

– Несомненно, – отвечаю я и начинаю грызть ноготь большого пальца.

– *«Я люблю тебя»*, – произносит Бред.

Вздрагиваю, но понимаю, что он продолжает читать.

– *«Р. S. Может, хочешь начать с пункта восемнадцать и заняться исполнением реприз? Ты всегда любила пошутить, искрилась радостью и весельем. Куда она подевалась, та беззаботная хохотушка?»*

– Что? Это было сто лет назад! Сейчас я ненавижу быть в центре внимания, и ей это известно. Кроме того, я уже давно разучилась смешить людей.

– Возможно, вы просто давно не практиковались.

– Послушайте, мне плевать, что я не похожа на чертову Эллен Дедженерес⁶, я ни за что не стану комедианткой. Переходим к плану «Б».

– Но, Брет, плана «Б» не существует. Если вы хотите исполнить волю мамы и получить наследство, вы обязаны выполнить все пункты.

– Нет! Вы не поняли? Мне нет дела до ее воли!

Он встает и отходит к окну. Профиль на фоне небоскребов, спрятанные в карманы руки – его поза напомнила мне греческого философа, созерцателя, постигшего тайны жизни.

– Элизабет убедила меня, что поступает вам во благо, напоминая о давних целях. Она предупреждала, что вы можете сопротивляться, но я не верил. – Проводит рукой по волосам и поворачивается ко мне: – Простите.

Мягкость его голоса и обеспокоенность заставляют пойти на попятную.

– Откуда вам было знать? Она сама верила, что действует во благо. Это была последняя попытка изменить траекторию моей жизни.

– Она считала, что вы несчастны?

Опускаю глаза.

– Вовсе нет, это же глупо. Мама всегда видела меня улыбающейся. Она любила повторять, что я родилась с улыбкой на лице.

⁶ Дедженерес Эллен – американская актриса, комедиантка и телеведущая.

– Но что скрыто за улыбкой?

Мягкие интонации, прямой вопрос застают меня врасплох. Решаю держать язык за зубами. Внезапно вспоминаю маленького Тренора, красного от счастья и радостно хохочущего. Как-то мама сказала, что маленькая я была точной копией Тренора. Интересно, куда оно ушло с годами, это состояние благословенного счастья? Вероятно, туда же, куда уходит детство и юность.

– Я совершенно счастлива. Почему должно быть иначе?

Брэд печально улыбается в ответ.

– Конфуций говорил, что путь к счастью лежит через комедийные репризы.

Улыбаюсь тому, как смешно он изображает китайский акцент.

– Ха-ха. И еще Конфуций говорил, что женщинам без чувства юмора лучше держаться подальше от комедийных шоу.

Посмеиваясь, Брэд возвращается на место. Он садится на самый край кресла и наклоняется ко мне так близко, что его руки почти касаются моих.

– Я вам помогу, – произносит он, – если хотите, я буду рядом.

– Вы? – Смотрю на него так, словно он только что согласился на двойное самоубийство. –

Но зачем вам это?

Он откидывается в кресле.

– Это будет бомба.

– Вы предлагаете выступить... дуэтом?

Брэд смеется:

– Боже упаси! Я буду рядом, но в качестве зрителя – стану смотреть на вас из зала.

– Опа! – Глаза едва не вылезли из орбит.

– Вы правильно поняли.

– Почему вы так добры ко мне? Мама внесла это в договор? Она вам заплатила?

Я ожидала, что он рассмеется, но этого не произошло.

– В каком-то смысле. Понимаете, в марте Элизабет принимала участие в сборе средств фонда борьбы с болезнью Альцгеймера, а я был одним из организаторов. Так мы и познакомились. Три года назад моему отцу тоже поставили страшный диагноз.

Так вот откуда эта грусть в глазах.

– Мне очень жаль.

– Да, мне тоже. Уже казалось, что мы ничего не сможем сделать, но ваша мама пожертвовала внушительную сумму и помогла продлить ему жизнь.

– И вы чувствуете себя обязанным? Это же глупо. Мама очень часто совершала подобные поступки.

– На следующей неделе мне доставили пакет с мылом, шампунями, лосьонами и прочими штуками от «Боулингер косметик». Он предназначался моей маме.

– Маме? Погодите, кажется, вы сказали, что отцу...

– Все верно.

Я не сразу смогла сложить все кусочки головоломки воедино.

– Ваша мама тоже стала жертвой болезни Альцгеймера.

– Именно. Она плакала, когда я передал ей пакет. Пока она заботилась об отце, совсем позабыла о себе. Элизабет хотела подарить маме радость.

– Да, мама была такой. Самая добрая и внимательная из всех женщин на свете.

– Она святая. Потом она попросила меня стать ее душеприказчиком и в деталях рассказала о своем плане. Я дал слово, что исполню все до последней детали. – На лице появилось выражение непоколебимой убежденности. – И поверьте мне, я сдержу слово.

Глава 6

Вотсутствию необходимости работать есть свои преимущества, особенно для того, кому надо за несколько дней подготовить комедийные сценки. Борюсь с желанием украсть идею, подсмотренную на комедийном канале, но знаю, что мама бы этого не одобрила. Вместо этого берусь за дело и целую неделю брожу по городу. Все услышанное и увиденное кажется мне удивительно смешным и дает богатую пищу для фантазии. В надежде полностью исключить или хотя бы свести к минимуму возможность провала, часами репетирую перед зеркалом, оттачиваю жесты и мимику. Все дни ощущаю, как желудок скручивается в тугий узел, глаза окаймляют живописные черные и красные круги.

Внезапно мне приходит в голову, что намерение мамы не было таким с самого начала. Поставив организацию комедийного шоу в самое начало списка, она хотела отвлечь меня от тревожных и печальных мыслей о ней. К сожалению, она добилась обратного. Элизабет Боулингер ничего так не любила, как веселый смех. Каждый раз, когда мне доводится услышать нечто уморительно смешное или то, что заставляет просто улыбнуться, я мечтаю сразу же поделиться с мамой. Будь она жива, я бы позвонила и сказала: «Хочу рассказать тебе смешную историю».

Именно это она и любила. Бывало, умоляла рассказать сразу, но чаще приглашала на ужин. Однажды, когда мы только налили вино, она наклонилась ко мне и вцепилась в руку со словами: «Давай же, дорогая, я ждала целый день».

Я начала рассказ, неизменно приукрашивая, используя различные интонации и звуковые эффекты. Даже сейчас я слышу ее залихватский смех, вижу, как она вытирает слезы в уголках глаз...

Замечаю, что улыбаюсь, и понимаю, что впервые со дня смерти мамы воспоминания о ней не причиняют боль.

Такого результата и добивалась женщина, любившая веселый смех.

Ночь перед выступлением. Я лежу без сна, нервная и переполняемая тревогами. Свет уличного фонаря пробивается сквозь деревянные жалюзи и падает на грудь Эндрю. Приподнимаюсь на локте и с интересом разглядываю светлую дорожку. Грудь вздымается, и одновременно с его губ слетает едва уловимый звук. Собираю всю силу воли, чтобы не провести рукой по гладкой коже, пахнувшей маслом для тела. Руки Эндрю скрещены на идеально плоском животе, лицо безмятежно спокойное и напоминает мне последний виденный мной облик мамы.

– Эндрю, – шепчу я, – мне так страшно.

Неподвижное тело предлагает продолжить, или мне это кажется?

– Завтра вечером мне выступать в комедийном шоу. Я так хотела тебе рассказать, чтобы ты поддержал меня и обязательно пожелал успеха. Я хотела рассказать тебе, ведь у меня может случиться сердечный приступ, и я умру прямо там, на сцене. Но почему-то каждый раз, когда я собиралась просить тебя помочь с исполнением этих глупых целей, меня словно что-то сдерживало. – Переворачиваюсь на спину и плотно смыкаю веки, чтобы сдержать слезы. – В моем жизненном плане столько пунктов, которые ты никогда бы не вписал в свой план. – Слова даются мне с трудом. – Я люблю тебя, – произношу я, но фраза застревает в горле. Вместо этого с губ слетает стон.

Эндрю шевелится, и сердце перестает биться. Бог мой, вдруг он меня слышал? Вздыхаю. А если и слышал? Неужели это плохо, что я люблю мужчину, с которым живу под одной крышей и делю одну постель? Закрываю глаза, и ответ внезапно врывается в сознание. Да, это плохо, потому что я совсем не уверена, что этот мужчина может сказать мне то же самое.

Лежу и смотрю на вентиляционное отверстие в потолке. Эндрю любит мой успех и мой статус, но они исчезли. Любит ли он меня саму? И знает ли, какая я на самом деле?

Закидываю руки за голову. В этом нет его вины. Мама была права. Я сама скрывала от него свое истинное «я». Отказалась от заветной мечты и стала такой женщиной, какой он хотел меня видеть, – свободной, нетребовательной и немного странной.

Поворачиваю голову и смотрю на спящего Эндрю. Почему же я отказалась от жизни, о которой мечтала? Неужели мама права? Я старалась заслужить одобрение Эндрю, забыв, что с отцом мне это не удалось? Нет, что за глупости. Много лет назад я решила для себя, что одобрение отца для меня ничего не значит. Все же, как ни прискорбно признавать, есть еще причина, и менее благоприятная....

Я боюсь потерять Эндрю. Мне до спазма кишок противно это признавать, но я боюсь остаться одна. На настоящем этапе моей жизни расставание с Эндрю видится рискованной затеей. Разумеется, я могу встретить другого мужчину, но, учитывая, что мне тридцать четыре года, это предприятие не менее рискованное, чем перевод накоплений со счета в надежном банке в инвестиционный фонд. Конечно, прибыль может стать огромной, но потеря сломает жизнь. Все, что я заработала, может исчезнуть в один миг, и в итоге я останусь ни с чем.

В половине третьего вылезаю из постели и перемещаюсь вниз на диван. Лежащий на журнальном столике мобильный телефон мигает красным. Прочитываю сообщение, присланное в одиннадцать пятьдесят.

«Расслабься. Тебя ждет успех. Поспи».

Это Брэд.

Расплываюсь в улыбке. Заворачиваюсь в плед и удобнее устраиваю голову на диванной подушке. Состояние такое, словно кто-то поцеловал в лоб и принес стакан теплого молока. Это дарит ощущение защищенности и спокойствия в душе.

То, чего я так ждала от Эндрю.

Огромный зал клуба комедии «Третье побережье» заполнен шумной толпой. У деревянной сцены высотой два фута расположены несколько круглых столиков. В глубине, у стоек трех баров собираются люди. Все вытягивают шеи, чтобы увидеть происходящее. Что случилось с ними в этот обычный вечер понедельника? Им больше нечего делать? Тянусь через стол и сжимаю руку Брэда. Чтобы быть услышанной, приходится кричать.

– Поверить не могу, что позволила тебе втянуть меня в такое! Неужели не нашлось местечка потише?

– Семь минут, и цель под номером восемнадцать будет достигнута. – Он наклоняется ко мне. – И сможешь переходить к следующим девяти.

– Хм, вот так стимул! Так давай поставим галочку, и я смогу получить лошадку и помириться со своим кретином отцом.

– Извини. – Прикасается обеими руками к ушам. – Плохо слышно.

Залпом допиваю мартини и поворачиваюсь к подругам.

– Классно выглядишь! – кричит Шелли.

– Спасибо. – Опускаю глаза и разглядываю надпись на футболке: «Не доверяйте пастору с эрекцией».

Раздается оглушительный взрыв хохота, заставляя обратить внимание на сцену. Чудовищное везение – мне предстоит выступать после любимца публики, долговязого рыжеволосого парня, вещающего о «телках и сиськах».

Разглядываю упитанного юношу, сидящего напротив. Перед ним стоит бокал пива и три рюмки в ряд. Он свистит и выбрасывает вверх кулак.

На сцену выскакивает ведущий и берет микрофон:

– Аплодисменты Стиву Пинкни.

В ответ раздается рев толпы.

Сердце падает, с трудом хватаю ртом воздух.

– Удачи, сестренка! – кричит мне Шелли.

– Рассмеши нас, Чика, – добавляет Меган.

Брэд сжимает мою руку.

– Лиз гордилась бы тобой. – От его слов сжимает грудь. Краем глаза замечаю Билла, организатора шоу. Он энергично машет мне рукой.

Ощущение времени притупляется. Делаю шаг за шагом в сторону сцены, ощущая себя смертником, идущим на электрический стул.

– А теперь Брет. – Ведущий делает паузу, ожидая тишины. – Наш следующий гость здесь впервые. Брет Боулингер. Поддержим!

Поднимаюсь по ступенькам на сцену. Ноги трясутся так сильно, что боюсь оступиться и не дойти. Добираюсь до микрофона и вцепляюсь в стойку обеими руками, чтобы не потерять равновесие. Меня выхватывает белый луч и ослепляет, заставляя скосить взгляд в сторону. Несколько акров площади занято людьми, смотрящими на меня в ожидании. Неужели я сейчас смогу шутить? Господи, помоги мне! Нет, *мама*, помоги мне! В конце концов, из-за тебя я попала в такую идиотскую ситуацию. Закрываю глаза и представляю, что мы сидим в столовой, воображаю, как мама говорит мне: *«Давай же, дорогая, я ждала целый день»*. Делаю глубокий вдох и ныряю в кишаси акулами воды клуба «Третье побережье».

– Всем привет. – Из микрофона раздается пронзительный визг и заглушает мой дрожащий голос. Сидящие за ближайшими к сцене столиками вскрикивают и закрывают уши руками. Беру микрофон в руку. – Извините. Я первый раз на сцене. Не ожидала, что микрофон станет меня перебивать. – Нервно хихикаю и украдкой смотрю на своих друзей.

Брэд дергает коленом, словно у него тик. Шелли пристраивает камеру.

– Э-э... вы... вы, должно быть, ожидали увидеть парня, когда услышали имя Брет. Со мной такое часто происходит. Это не жизнь – вернее, сложно жить с мужским именем. Не представляете, какими вредными бывают дети. Я бежала домой из школы, рыдала и умоляла моего брата Джо Энн всех побить.

Тайком оглядываю толпу слушателей, ожидая увидеть улыбки и услышать смех. Но единственное, что мне достается в награду, – приглушенные смешки Меган.

– Да, – произношу я, – моего брата Джо Энн.

– Не смешно! – кричит кто-то пьяным голосом.

Задыхаюсь, словно меня силой ударили в живот.

– Э... вы не представляете, сколько мучений и насмешек я вынесла из-за своего имени в католической школе. К-кто из вас продукт воспитания католической школы?

Раздаются редкие хлопки, но и это приободряет.

– М-монахини в моей школе были такими строгими, что перерыв на несколько минут после обеда, чтобы зайти в комнату для девочек, казался нам настоящими каникулами.

Брэд, Меган и Шелли громко смеялись именно над этой фразой. Однако остальная публика молчала, некоторые смотрели на меня с вежливой улыбкой, другие поглядывали на часы и нажимали кнопки мобильных телефонов.

– Переходи к главному! – выкрикивает кто-то из толпы.

У меня такое ощущение, что меня сейчас стошнит или, того хуже, я разревусь прямо на сцене. Перевожу взгляд на электронные часы, вмонтированные в пол сцены. Прошло только две минуты и четыре секунды. Бог мой, у меня остается еще пять минут! И что делать? Господи! Я ни одной шутки не помню. Холодея от ужаса, вытираю потные ладони о джинсы и лезу в задний карман в надежде еще спастись.

– Святые угодники, шпаргалка! – Голос с задних рядов. – Ты издеваешься?

Чувствую, что у меня дрожат губы.

– Вернемся в школу Святой Марии...

По залу проносится стон:

– Хватит этих католических шуток!

Руки трясутся так, что я с большим трудом удерживаю листок.

– Дело не только в том, что это была католическая школа, это была школа для девочек. Камера пыток для одного за двоих.

Слышу пренебрежительные возгласы. Борясь со слезами, пытаюсь разобрать текст. Господи, помоги мне! Чтобы немного развеять скуку, люди начинают громко переговариваться. Некоторые проходят в бар или удаляются по другим надобностям. Пьяница за ближайшим столиком откидывается на спинку стула, сжав в пухлой руке бутылку.

– Следующий! – кричит он, указывая пальцем на сцену.

Жесть! Что я здесь делаю! Оглядываюсь, готовая сбежать, но, повернувшись, вижу глаза Брэда.

– Наплевать на него, Б. Б., – выкрикивает он. – Продолжай!

В этот момент я испытываю к Бреду такую страстную любовь, что едва сдерживаю порыв броситься вниз со сцены и обнять его. И задушить. Ведь это из-за него – и мамы, конечно, – я оказалась в такой глупой ситуации.

– Ты сможешь. Ты почти у цели.

Преодолевая желание бежать без оглядки, поворачиваюсь к публике – этим варварам, решившим, что наступил антракт.

– Монахини... они делали все, чтобы сохранить в нас, девочках, чистоту мыслей.

Меня никто не слушает, даже группа поддержки. Меган болтает с парнем за соседним столиком, Шелли отправляет сообщение. Никто даже не смотрит на меня, кроме Брэда. Ловлю его взгляд, и он кивает.

– В классной комнате у нас висело распятие. И сестра Роуз, – тру пальцами разболевшееся горло, – сестра Роуз прикрепила штаны поверх набедренной повязки Христа.

– Еще двадцать секунд, Б. Б.! – кричит Бред.

– Моя подруга Кеси... закрывала глаза, даже когда меняла подгузники новорожденному мальчику.

– Сядь на место, леди! – кричат из зала. – Твои шутки нас достали.

Бред начал обратный отсчет.

– Семь, шесть, пять...

Наконец он показывает «ноль». Резким движением вставляю микрофон в гнездо на стойке. Бред восторженно жестикулирует. Едва спустившись со сцены, попадаю в его объятия. Вырываюсь и мечусь в поисках выхода.

Свежий ночной воздух обжигает легкие при каждом вдохе. Заливаясь слезами, пробираюсь к стоянке и, с трудом разбирая дорогу, иду к машине. Опираюсь на крышу и опускаю голову.

Через секунду на плечо ложится чья-то ладонь.

– Не плачь, Б. Б. Ты смогла. Все кончено. – Бред успокаивает меня и гладит по спине.

– Это же провал! – Силой ударяю кулаком по жестяной крыше, резко поворачиваюсь и смотрю прямо ему в глаза. – Я же говорила тебе, что не умею смешить людей.

Бред обнимает меня, а я не сопротивляюсь.

– Черт бы побрал эти мамини идеи, – бормочу я в его шерстяной шарф. – Я стала посмешищем – о нет, даже не посмешищем... надо мной даже из жалости никто не смеялся.

Бред делает шаг назад и извлекает из нагрудного кармана розовый конверт.

– Позволим Элизабет высказаться в свое оправдание?

Утираю нос тыльной стороной ладони.

– Ты отдашь мне письмо?

Он смахивает слезу с моей щеки и улыбается:

– Полагаю, ты заслужила. В столь важный момент.

Мы садимся в мою машину, и я первым делом включаю печку. Сидящий на пассажирском месте Брэд вскрывает конверт и приступает к чтению:

– *«Дорогая Брет!*

Ты расстроена из-за провала? Какие глупости».

– Что? Она знала?

– *«С чего ты взяла, что все должно было получиться идеально? Даже я не очень в этом уверена. Где-то на жизненном пути ты потеряла данную тебе Богом стойкость. Счастливая маленькая девочка, которая так любила петь, рассказывать смешные истории и танцевать, превратилась в истеричную и неуверенную в себе особу».*

Голову сжимает тугим обручем.

«Но ведь это ты заставила меня, мама», – думаю я.

– *«Сегодня вечером ты жила, моя маленькая артистка, такой ты была всегда, и этим я очень довольна. Любые эмоции – даже тревога – лучше бессмысленного прозябания.*

Пусть события сегодняшнего вечера служат тебе напоминанием о том, какой ты можешь быть стойкой, мужественной и храброй. Когда внезапно тебя охватит страх, вспомни о том, что ты умеешь быть стойкой, и стряхни его с себя, будь такой, какой я тебя знала.

Элеонора Рузвельт говорила: *«Каждый день надо делать то, что тебя пугает».* И ты, моя милая, заставляй себя делать то, чего страшишься. Рискуй и посмотри, что из этого выйдет. Только такие действия превращают жизненный путь во что-то стоящее. – Брэд делает недолгую паузу и заканчивает: – *Я люблю тебя и горжусь тобой. Мама».*

Беру письмо в руки и внимательно перечитываю, прикасаясь кончиками пальцев к написанным мамой словам. Что же она от меня хочет? Вспоминаю об Эндрю, работе учителя, Кэрри и содрогаюсь. Из всех мыслей одна меня особенно пугает, и я стараюсь выкинуть ее из головы. Да, сегодня мое выступление было провальным, но самое ужасное то, что я готова попробовать еще раз.

Глава 7

Одетая в любимый костюм от Марка Джейкобса, я сижу в «Френч пресс» и потягиваю латте, когда в полдень появляется Меган.

– Только не очередной кроссворд!

Она ставит чашку макиато и вырывает из моих рук газету.

– Я начинаю понимать, почему твоя мама решила положить всему этому конец. Что ты сделала за эту неделю, что прошла после твоего дурацкого выступления? – Тычет пальцем в мой костюм. – Ты даже Эндрю ничего не рассказала!

Меган бросает бумаги на стул и достает из моей сумки ноутбук.

– Сегодня ищем твою подругу.

– Я не могу позвонить Кэрри ни с того ни с сего. Надо сначала все продумать. – Отталкиваю компьютер и тру виски. – Этот жизненный план сломает мне жизнь.

Меган хмурится и внимательно на меня смотрит:

– Ты странная, Брет. Мне лично кажется, что только эти цели и могут сделать тебя счастливой. И боишься ты не свою жизнь сломать, а жизнь твоего Эндрю.

Я опешила от ее искренности и тонкого понимания ситуации.

– Возможно, в любом случае я пропала. Только потеряю любимого мужчину, а никаких жизненных целей до следующего сентября все равно не достигну.

Меган игнорирует мои разглагольствования и мотает головой.

– Умираю, как хочу есть. Выйди в «Фейсбук», а я пока возьму что-нибудь.

Пока Меган стоит в очереди у прилавка, открываю страничку «Фейсбук». Однако вместо имени подруги мои пальцы выстукивают: «Брэд Мидар». С легкостью узнаю его даже по малюсенькой фотографии в один квадратный дюйм. Неожиданно замечаю, что улыбаюсь, разглядывая его лицо. Подумываю попроситься к нему в друзья, хотя он может решить, что это не вписывается в схему деловых отношений, – будто сообщения по телефону и объятия вписываются. Но и в моей жизни не все так просто. Интересно, что подумает Эндрю, если узнает, что я завела дружбу с адвокатом и скрываю это от него?

Зарываюсь руками в волосы и сжимаю голову. Что со мной происходит?

– Нашла ее? – спрашивает появившаяся рядом Меган.

Захлопываю ноутбук.

– Нет еще.

Жду, пока Меган разместится напротив, и только тогда поднимаю экран. На этот раз завожу в строку поиска имя Кэрри Ньюсом. Меган переставляет стул и садится рядом. Вместе просматриваем несколько страниц, наконец я ее нахожу. Замечаю футболку с надписью «Висконсин». Кэрри удивительным образом не изменилась. По-прежнему выглядит спортивной и подтянутой, по-прежнему в очках и с улыбкой от уха до уха. Как я могла с ней так жестоко поступить?

– Это она? – спрашивает Меган. – Неудивительно, что ты не жалела, что потеряла ее. Что, в Висконсине не продают щипчики для бровей?

– Прекрати, Меган. – Смотрю на фотографию, и на глазах выступают слезы. – Она была моей лучшей подругой.

Когда мы были детьми, родители Кэрри жили в двух кварталах от нас на Артур-стрит. Мы были полной противоположностью друг друга: она отважным сорванцом, я тощей пай-девочкой. Однажды Кэрри пробежала мимо моего дома, пиная ногой мяч. Увидев девочку-ровесницу, она предложила мне поиграть в футбол. Я же в свою очередь предложила поиграть в дочки-матери, но Кэрри и не слышала о такой игре. Мы пошли в парк, лазили по лабиринтам

на детской площадке, висели на турнике и смеялись. С тех пор мы с Кэрри были неразлучны до того момента, пока, спустя годы, я ее не предала.

– У меня нет никакого права надеяться на дружбу этой женщины. А хуже всего, что я делаю это вынужденно, а не искренне.

– Да что ты? – Меган потянула себя за руки. – Я бы сказала, что ей не стоит рассчитывать на дружбу с тобой.

Тоскливо качаю головой. Меган никогда не понять, что человек, похожий на Кэрри, может быть ничем не хуже нас.

– Черт, Брет, что за проблема? – Она наводит курсор на надпись «Добавить в друзья» и кликает.

Я тихо вскрикиваю.

– Что ты наделала!

– Так держать, Чика.

Меган поднимает чашку, но я сижу не шевелясь. Через мгновение Кэрри Ньюсом получит жестокое напоминание о любимой подруге, предавшей ее несколько лет назад. Мне становится плохо, а Меган тем временем продолжает, сцепляя руки:

– Итак, начало положено. Теперь пошли в зоомагазин, подберем тебе щеночка.

– Ни за что. Собаки отвратительно пахнут. Он изгрызет все в доме. – Делаю глоток кофе. – По крайней мере, так считает Эндрю.

– Ему-то какое дело? – Меган отщипывает кусочек булочки. – Извини, Брет, спрошу прямо: ты действительно считаешь Эндрю частью своего жизненного плана? Я к тому, что мама четко дала тебе понять, что его пора оставить в прошлом. Думаешь проигнорировать ее последнюю волю?

Меган точно нащупала мою ахиллесову пяту. Опираюсь локтями о стол и тру переносицу.

– Я собиралась поговорить с Эндрю об этом чертовом жизненном плане, но, понимаешь, он будет в ярости. Он предпочел бы купить самолет, а не лошадь, и давно сообщил мне о своих планах.

– И тебя все устраивало?

Отворачиваюсь к окну и мысленно возвращаюсь в прошлое.

– Я сама себя в этом убедила. Тогда все было по-другому. Мы много путешествовали... он ездил со мной в деловые поездки. Наша жизнь была очень насыщенной, представить было невозможно, чтобы в ней появился еще и ребенок.

– А сейчас?

Меган интересовалась обновленная версия моей жизни. И суть ее была в том, что вечерами я ела в одиночестве перед телевизором, а последняя совместная поездка была два года назад, когда мы ездили в Бостон на свадьбу сестры Эндрю.

– Я недавно потеряла маму и работу. Еще одной потери я не переживу. Не сейчас.

Меган промокает губы салфеткой, замечаю на ее ресницах слезы ижимаю руку:

– Прости. Не хотела тебя грузить.

Она морщится:

– Я больше так не могу.

Ой, она плачет из жалости не ко мне, а к себе. Со мной можно поговорить обо всем. Я была так погружена в свои проблемы, что Меган пришлось взять на себя роль консультанта.

– Опять сообщения на телефон Джимми?

– Хуже. Когда я вчера пришла домой, они занимались сексом прямо в нашей постели. Представляешь? Слава богу, я смоталась раньше, чем они меня увидели.

– Вот идиот! Зачем он притащил ее домой? Он же знает, что у тебя свободный график.

– Потому что хотел, чтобы я их застукала. – Меган хватается за левое запястье. – Все из-за моих рук. Я уродина.

- Что за глупости. Ты красивая женщина и имеешь полное право надрать ему задницу.
- Не могу. Как я буду жить без денег?
- Ты же начала продавать дома.

Меган отмахивается:

– Ой, Брет, видимо, в прошлой жизни я была из королевской семьи, потому что никак не могу смириться с мыслью, что мне придется работать.

– Но ты же не можешь сделать вид, что ничего не произошло. Если ты устроишь скандал...

– Нет! – довольно громко восклицает Меган. – Никакого скандала я не буду устраивать, пока не найду ему замену.

Я не сразу поняла, что Меган хочет найти нового кандидата, прежде чем объявить об отставке нынешнему. Она ведет себя как испуганный ребенок, пытающийся найти новую семью до того, как станет сиротой.

– Зачем тебе мужчина, который будет о тебе заботиться? Ты умная женщина и сама справишься. – Интересно, я говорю это Меган или себе? – Понимаю, это непросто, Меган, но ты должна, – продолжаю я уже более мягким тоном.

– И не надейся.

Вздыхаю.

– Тогда заяви о себе. Зайди на сайты знакомств.

Меган делает круглые глаза и достает из сумочки «Дольче и Габбана» блеск для губ.

– Думаешь, красивым миллионерам нравятся короткоручки?

– Я серьезно, Меган, ты можешь найти мужчину лучше. – Мысли становятся слишком навязчивыми. – Слушай, а как начет Брэда?

– Адвокат твоей матери?

– Да. Он милый. Как он тебе?

Меган всецело занята губами.

– Угу. Только одна маленькая проблемка.

Вспыхиваю.

– Что еще? Он недостаточно богат?

– Не в этом дело. – Меган вытягивает губы, любуясь результатом. – Просто он уже влюблен в тебя.

Меня отбрасывает на спинку стула как от удара. Бог мой! Не может быть! У меня же есть Эндрю... В некотором смысле.

– С чего ты взяла? – лепечу я.

Меган пожимает плечами.

– А какого черта ему тебе помогать?

Мне следует радоваться. Впрочем, мне нужна дружба Брэда, а не его ухаживания.

– Ошибаешься. Он помогает потому, что обещал маме. Поверь, это так. Это своего рода благотворительность с его стороны.

Вместо того чтобы ввязаться в спор, Меган покорно кивает:

– А, ну теперь ясно.

Понуро опускаю голову. Чем же я отличаюсь от Меган, если думаю о будущем, не порвав с прошлым?

Дрожащими руками открываю письмо. Несколько раз перечитываю фразу: *«И ты, моя милая, заставляй себя делать то, чего страшишься»*. Зачем, мама? Зачем ты меня принуждаешь? Убираю письмо в карман и толкаю створку ворот.

Прошло более шести лет с тех пор, как я последний раз посещала кладбище Святого Бонифация. Тогда мы приходили сюда с мамой. Сначала мы поехали, кажется, купить

подарки к Рождеству, но мама настояла, чтобы мы немного изменили маршрут. Помню, что день был холодный, ветер кружил по улицам, разметая снег, словно злился, что его выпало так мало, и сковывал лужицы льдом. Борясь со штормовым ветром, мы с мамой прикрепили венок к надгробию на могиле отца. Потом я вернулась к машине и спешно завела мотор. Сквозь решетку печки повалил горячий воздух, под которым я пыталась согреть руки и украдкой наблюдала за мамой, стоящей у могилы, чуть склонив голову. Через несколько минут она утерла рукой в перчатке глаза и перекрестилась. Когда она садилась в машину, я сделала вид, что озабочена настройкой радио, стараясь избавить ее от объяснений. Мне было неловко, что она все еще испытывает чувства к мужу, так легко ее предавшему.

Сегодняшний день совсем не похож на тот. Стоит прекрасная осенняя погода, небо чистое и синее, и приближающаяся зима кажется миражом. Листья играют в догонялки с теплым ветерком, белки перепрыгивают с ветки на ветку в поисках орешков, от этого я чувствую себя особенно одиноко на безлюдном кладбище.

– Тебе, наверное, интересно, зачем я пришла через столько лет, – шепчу я, вглядываясь в надгробие. – Ты думаешь, я такая же, как мама, и не умею тебя ненавидеть?

Смахиваю пожухлые листья с каменной плиты. Лезу в сумку и достаю из кошелька фотографию, лежавшую между читательским билетом и абонементом в спортзал. Эта фотография с заламами и потрепанными углами единственное наше изображение вдвоем. Снимок сделала мама в рождественское утро, тогда мне было шесть. Я одета в красную фланелевую пижаму и опираюсь на колено отца, сложив руки, словно для молитвы. Отец положил одну руку мне на плечо, вторая безвольно лежит рядом. На лице заметна легкая улыбка, но глаза при этом пустые.

– Что со мной было не так, папа? Почему я никогда не могла заставить тебя улыбаться? Почему тебе было так сложно обнять меня?

В носу защипало. Поднимаю глаза к небу, надеясь на умиротворение и покой, которые мама обязательно должна была приложить к оставленному списку. Однако ощущаю лишь прикосновение теплых солнечных лучей и ноющую боль в сердце. Лицо с детским выражением окроплено слезами. Стираю их рукавом рубашки, отчего ткань становится влажной и бугристой.

– Знаешь, что больнее всего, папа? Осознавать, что никогда не стану в твоих глазах хорошей. А я ведь была такая маленькая. Почему ты ни разу не смог сказать мне, что я хорошая, умная или красивая? – Закусываю губу так сильно, что вскоре ощущаю вкус крови. – Я так хотела, чтобы ты полюбил меня. Так старалась.

Слезы лавиной текут по щекам. Встаю с колен и смотрю на каменную плиту так, словно это лицо моего отца.

– Ты знаешь, это все мама придумала. Она хотела, чтобы у нас наладились отношения. Я-то уже много лет назад перестала надеяться. – Провожу пальцем по выгравированным буквам: «ЧАРЛЬЗ ДЖЕЙКОБ БОУЛИНГЕР». – Покойся с миром, папа.

Поворачиваюсь и иду прочь, а через несколько шагов почти бегу.

В пять часов добираюсь до станции Аргайл, и меня все еще трясет. Черта с два я позволю этому мерзавцу окончательно испортить мне настроение. Вагон забит до отказа, и я стою, зажата с одной стороны девочкой-подростком с орущим во всю мощь плеером, из наушников которого доносится какая-то лирическая похабщина, и мужчиной в бейсболке с надписью «GodhearsU.com»⁷. Меня так и тянет спросить его, пользуется ли Бог компьютером или ноутбуком, но внутренний голос подсказывает, что он меня не поймет. Взгляд останавливается на высоком молодом человеке в светлом плаще в стиле «Бёрберри». В его глазах тоже плещется

⁷ Бог слышит тебя точка ком (англ.).

смех. Что-то в нем кажется мне знакомым. Мужчина наклоняется ко мне через зажатую между нами девчонку:

– Шутки современных технологий, верно?

Смеюсь в ответ:

– Какие тут шутки. Исповедальни скоро канут в прошлое.

Мужчина усмехается, а я перевожу взгляд с его золотисто-карих глаз на чувственный рот и обратно. Замечаю черную ниточку на плаще и вздрагиваю от мысли, что, кажется, это и есть тот самый человек, которого я видела входящим в подъезд нашего дома каждый день ровно в семь. Я давно окрестила его «человеком «Бёрберри», потому что всегда видела в одном и том же плаще – возможно, именно в нем он стоит передо мной и сейчас. Мы никогда не встречались, но он был моей тайной на протяжении месяца или двух, до тех пор пока однажды не исчез.

Открываю рот, чтобы представиться, но меня останавливает звонок телефона. Вижу на экране номер офиса Брэда и нажимаю на кнопку.

– Здравствуйте, Брет. Это Клэр Коул. Я получила ваше сообщение. Мистер Мидар может встретиться с вами двадцать восьмого октября.

– Двадцать восьмого? Это же через три недели. Мне необходимо... – Одергиваю себя и замолкаю. «Мне необходимо его увидеть» прозвучало бы слишком страстно. Но после сегодняшнего визита на кладбище я полна отчаяния, а Брэд, несомненно, помог бы мне успокоиться. – Я бы хотела встретиться с ним раньше. Например, завтра.

– Мне жаль, но на следующей неделе он очень загружен, а потом уезжает в отпуск. Мистер Мидар сможет принять вас двадцать восьмого, – повторяет Клэр. – В восемь часов.

– Если другого варианта нет, пусть будет так. Но, возможно, освободится время в ближайшие дни, позвоните мне в таком случае. Пожалуйста.

Объявляют название моей станции. Запихиваю телефон в карман и начинаю пробираться к выходу.

– Удачи, – произносит «человек «Бёрберри».

– И вам.

Выхожу из вагона и сразу погружаюсь в меланхолию. Брэд Мидар уезжает, и мне это совсем не нравится. Интересно, где он отдыхает? Один или с девушкой? За все время нашего знакомства у меня не было возможности расспросить его о семейном положении, а сам он не рассказывал. Да и зачем ему говорить мне об этом? Он ведь на работе. Но Брэд стал единственной ниточкой, связывающей меня с мамой. Он стал ее посланником, и я слишком сильно привязалась к нему. Как потерявшийся утенок, я прибилась к первому встречному живому существу с добрым лицом.

Глава 8

Когда мама была жива и здорова, четверг традиционно считался днем семьи Боулингер. Мы собирались за столом в ее доме, и разговор всегда лился так же легко, как совиный блан. Мама сидела во главе стола, и темы сменяли одна другую – последние новости, политика и личные интересы каждого. Сегодня, впервые после маминой кончины, Джоад и Кэтрин пытаются воссоздать магическую атмосферу тех вечеров.

Меня встречает Джоад в переднике в черно-белую полоску поверх замшевого пиджака.

– Спасибо, что пришла, – говорит он и целует меня в щеку.

Скидываю туфли и утопаю в роскошном белом ковре. Джоад тяготеет к классическим вещам, однако Кэтрин без ума от современного дизайна. Результатом слияния интересов стал безупречный классический интерьер в белых и бежевых тонах, декорированный удивительными произведениями современного искусства. Атмосфера дома кажется стерильной, отчего несколько прохладной и недоброжелательной.

– Восхитительный запах, – говорю я.

– Каре ягненка. Уже почти готово. Пошли. Джей и Шелли уже допивают второй бокал пино.

Как и следовало ожидать, отсутствие мамы столь же выразительно, как южная манера растягивать слова. Впятером мы сидим в гостиной Джоада и Кэтрин, выходящей окнами на реку Иллинойс, и делаем вид, что не ощущаем нехватки той энергии, что давала нам мама. Вместо этого мы маскируем неловкое молчание пустой болтовней. После двадцатиминутного вещания Кэтрин о доходах компании за третий квартал и планах на развитие разговор плавно переходит на тему моей жизни. Кэтрин желает знать, почему я пришла без Эндрю, Джей интересуется, не нашла ли я место учителя. От каждого вопроса я вздрагиваю, словно от толчков после землетрясения. Мне срочно нужна передышка. Пользуюсь тем, что Джоад удаляется на кухню проверить свой знаменитый десерт крем-брюле.

Иду по коридору в ванную комнату и заглядываю в кабинет Джоада – его уютное убежище, отделанное вишневыми панелями, святилище, куда меня раньше никогда не приглашали. Здесь, в запертом на ключ шкафу, он хранит коллекцию односолодового виски и, несмотря за запрет Кэтрин курить в доме, коробку с кубинскими сигарами. Взгляд цепляется за предмет на столе. Резко меняю курс.

Глаза не сразу привыкают к полумраку кабинета. Моргаю и сосредоточенно вглядываюсь. На массивном темном столе Джоада, прикрытый тонкой папкой, лежит красный блокнот.

Какого черта? Решительно захожу в комнату. Когда я спрашивала о нем, Джоад, как и все остальные, не признался, что видел его. Беру блокнот в руки, мамина записка больше не скрывает надписи на обложке. Грудь сжимается от вида ее почерка. «Лето 1977» – за год до моего рождения. Неудивительно, что она понадобилась Джоаду. Эта записная книжка бесценна. Но ведь я обязательно рассказала бы о ней братьям.

Слышу шаги – по коридору кто-то идет. Джоад. Холодею от страха. Думаю, что надо сообщить о находке и сказать, что я ее забираю, но внутренний голос велит молчать. Брату определенно не понравится моя идея. Джоад проходит мимо, даже не заглянув в кабинет, и я с облегчением выдыхаю. Спрятав блокнот под свитер, я покидаю комнату так же бесшумно, как и проникла сюда.

Уже застегивая пальто, вхожу в гостиную.

– Прости меня, Кэтрин, но десерт я, пожалуй, пропущу. Неважно себя чувствую.

– Подожди, я тебя отвезу, – говорит Шелли.

Мотаю головой:

– Нет, спасибо. Возьму такси. Попрощайтесь за меня с Джоадом.

Прежде чем Джоад узнает, что я ухожу, выскакиваю за дверь.

Хлопок дверей лифта позволяет еще раз облегченно вздохнуть. Господи, помоги мне, я стала воровкой. Но ведь укравшей ради торжества справедливости. Достаю свою драгоценную добычу и прижимаю к груди, представляя, что обнимаю маму. Тоска по ней охватывает меня с невероятной силой. Как это похоже на нее – появляться в те моменты, когда она мне особенно нужна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.